

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ФИНИКИЙЦЫ И ТАЙНЫ ДВУХ ОКЕАНОВ • ПОХОДЫ ВИКИНГОВ
• ТАЙНЫ АРАБСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ • НА ПУТИ В АЗИЮ
• В ПОИСКАХ ЭЛЬДОРАДО

Загадки истории (Фолио)

Мария Згурская
Географические открытия

«Фолио»

2011

Згурская М. П.

Географические открытия / М. П. Згурская — «Фолио»,
2011 — (Загадки истории (Фолио))

Современному человеку, который знает, как выглядит Земля не только с высоты птичьего полета, но и из космоса, трудно представить, что были времена, когда молодое человечество не имело ни малейшего представления ни об океанах, ни о континентах, ни о народах, их населяющих. Когда же все изменилось? И кем были первые мореплаватели, рискнувшие выйти в открытое море? Но все жертвы и усилия отважных первооткрывателей были бы напрасны, если бы люди не научились составлять карты и ориентироваться по звездам. Так кому же принадлежит честь создания науки картографии и первых руководств по мореходству? Ну а когда были созданы полноценные карты, границы мира раздвинулись и закономерным результатом этого стало открытие Нового Света. Так что же искали европейцы в Новом Свете? И всегда ли лгут сказки?

Содержание

Финикийцы и тайны двух океанов	5
Что мы знаем и чего не знаем о финикийцах	5
В морях двух океанов	5
Финикийцы в Новом Свете?	10
Копи царя Соломона	11
Античные мореплаватели	16
Не боясь ни Сциллы ни Харибды	16
Тайна Пифея	17
Загадки древнеримских мореходов	23
Походы викингов	25
Кто такие викинги?	25
Непобедимые драконы и берсерки-оборотни	26
Князя земли русской?	33
Неизведанные земли	36
Кто открыл Гренландию?	36
Таинственный камень	39
Экспедиция Ульмана	43
Тайны арабских путешественников	46
Потерянные сокровища арабской талассографии[28]	48
Негоцианты, географы, сказочники и математики	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

М. П. Згурская, А. Н. Корсун, Н. Е. Лавриненко Географические открытия

Финикийцы и тайны двух океанов

*Прибыли хитрые гости морей,
финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем
корабле чернобоком...*

Гомер. Илиада

Что мы знаем и чего не знаем о финикийцах

В древности на восточном берегу Средиземного моря жил трудолюбивый и предприимчивый народ – финикийцы. Так их именуют благодаря грекам, сами же они называли себя хананеями, а свою землю Ханааном. Финикийцы относятся к северозападной группе семитских племен и по происхождению и языку очень близки к евреям.

Ханаан был страной гористой, поэтому земель, годных для обработки, не хватало. Тем не менее финикийцы нашли выход из положения – они таскали землю на склоны гор вручную, в корзинах, и на получившихся террасах сажали растения. Но даже это не спасало изобретательных сынов Ханаана от голода – население росло, и финикийцы все больше и больше зависели от моря. Они умели делать лодки из стволов кедра, поэтому могли ловить рыбу, хотя далеко от берега не отплывали. Но настоящими мореходами финикийцы стали, когда научились строить небольшие крепкие корабли и отправились в соседние страны. Нынешние историки часто называют хананеев самыми искусными мореходами древности. Но вопрос о том, как далеко плавали их суда, до сих пор остается открытым.

В морях двух океанов

Следуя вдоль берегов Ханаана на юг, мореплаватели попали в устье Нила. Так они начали торговать с Египтом. Эта торговля была выгодна обеим сторонам. Вино и оливковое масло – то, чем богата была Финикия благодаря упорному труду земледельцев, – египтяне покупали охотно. Был и «живой товар» – рабы, что в те времена никого не смущало. Ведь тростниковые лодки, которые умели строить жители долины Нила, не выдерживали никакой конкуренции с финикийскими судами – в Египте не росли деревья, из толстых прямых бревен которых можно было бы построить настоящие корабли. Но особенно желанным товаром стал кедр, за который египтяне платили чужеземцам золотом.

Ханаан торговал не только с Египтом. Финикийские караваны шли в Междуречье и соседние маленькие государства в Сирии и Палестине. К тому же египтяне поведаль финикийцам, что за пустыней к востоку от Нила находится «Великое зеленое море». (Именно оно по иронии судьбы теперь именуется Красным. Его нынешнее название дано, вероятно, из-за сезонного окрашивания воды в красноватый цвет благодаря микроскопическим водорослям *Trichodesmium erythraeum*.) «Великое зеленое море» соединял с Нилом длинный канал. Фини-

кийцы воспользовались им и вошли в неведомые воды. Вскоре они поняли, что «Великое зеленое море» ведет в океан. На восточном берегу моря финикийцы торговали с жителями Аравии, которые привозили из Индии алмазы, пряности и черное дерево. Есть сведения, что для египтян сыны Ханаана ходили даже в загадочную страну Пунт.

Страна Пунт была известна египтянам испокон веков. Оттуда привозили рабов, черное дерево, благовония, в том числе ладан, черную краску для глаз, слоновую кость, ручных обезьян, золото и шкуры экзотических животных. Но самым главным товаром, который корабли доставляли из страны Пунт, была мирра, необходимая для религиозных церемоний, а также мирровые деревья.

Слово «Пунт» переводится как «страна богов». Согласно египетским источникам, в этом дивном краю, где солнце восходит раньше, чем в Египте, климат приятен, земля плодородна, а растительность обильна. Поэтому обитатели страны Пунт ведут жизнь легкую и приятную.

Египтяне посещали благодатную землю Пунт еще во времена Древнего царства. Первого путешественника в страну Пунт, имя которого мы знаем, звали Ханну. В 2750 году до н. э., в правление фараона Сакуре, экспедиция Ханну вышла из Коптоса на Ниле, перевалила через возвышенность к востоку от него, затем пересекла пустыню и вышла к Косейру – порту на побережье Красного моря. Отсюда Ханну и направился в загадочную страну, о местоположении которой ученые спорят по сей день. Неизвестно, как именно добиралась туда экспедиция Ханну – морем или же сушей, поскольку корабли, на которых египтяне возвращались домой, Ханну построил уже в самой стране Пунт.

Когда отважный путешественник приплыл в Египет, он велел высечь на скале рассказ о своих подвигах. Приведем отрывок из него: «Я был послан, чтобы провести корабли в страну Пунт и доставить оттуда для фараона благовония. Я отправился из города Коптос. Его величество дал мне команду вооруженных людей, происходивших из южной страны Тебайда. Я прибыл в порт Себа и там построил грузовые корабли, чтобы отвезти назад разные товары. И я принес богатую жертву быками, коровами и козами. И когда я вернулся из Себы, у меня были товары, найденные мной в портах Священной Страны (Пун-та). Я вернулся назад по дороге через Уак и Роан и привез с собой драгоценные камни для храмов. Такое дело было совершено впервые с тех пор, как существуют фараоны...»

Французский писатель и путешественник Франсуа Бальзан утверждает, что египтяне перестали путешествовать в страну Пунт в середине третьего тысячелетия до н. э., после правления фараона Пепи II. В период Среднего царства экспедиции в эту дивную страну возобновились и продолжались до нашествия гиксосов в XVII–XVI веках до н. э. В начале XV века до н. э. традицию возродила царица Хатшепсут. Ее путешествие в страну Пунт стало известно потомкам благодаря рельефам храма в Дейр эль-Бахри, которые рассказывают об этой кампании со всевозможными подробностями.

Художники изобразили флот Хатшепсут – пять кораблей, снаряженных по приказу царицы в 1482–1481 годах до н. э. Этот небольшой караван прошел по Нилу, миновал канал и, выйдя из порта Эль-Кусейр в Красном море, направился на юг. Экспедицией руководил темнокожий военачальник Нехси. Кроме него, в путь отправились послы, каждый со своей свитой – представители Хатшепсут в чужой стране. Торговцы сопровождали драгоценные египетские товары, которые они надеялись обменять на заморские диковинки. Корабли были доверху нагружены изделиями искусных ремесленников – оружием, украшениями, зеркалами, а также вином, которое везли в глиняных кувшинах. Послов и торговцев охраняли вооруженные до зубов воины – мало ли что может приключиться в пути. Кроме пассажиров, на кораблях были гребцы. Если на море был штиль, они управляли судами при помощи весел.

Рельефы храма в Дейр эль-Бахри повествуют о том, что же было дальше. Караван шел на юг, пока на горизонте не показался плоский песчаный берег с редкими пальмами. Чуть дальше от кромки воды виднелись дома на сваях, характерные для Африки. На рельефах можно раз-

глядеть и некоторые особенности ландшафта страны Пунт: неподалеку от берега высятся горы. Художники изобразили также леса благовонных деревьев и животных – пантер, обезьян, жирафов.

Что же можно сказать о жителях страны Пунт? Они были довольно высокими, курчавыми, с окладистыми бородами. Сохранились и изображения правителей Пунта. Примечательно, что у супруги правителя нижняя часть тела очень полная. Такое явление – преимущественное отложение жира на ягодицах ученые называют стеатопигией (от *греч.* *stear* – «жир» и *pyge* – «ягодицы»). Такое развитие жировой прослойки генетически заложено у некоторых народов Африки и Андаманских островов.

Высоких гостей принимали со всевозможными почестями. На берег пришли посланцы правителей Пунта, и после приличествующего случаю обмена любезностями стороны перешли к делу. Роль «магазина» выполнял огромный шатер, который соорудили специально для товаров. Обмен прошел успешно, и вскоре невольники уже тащили на борт слитки золота и серебра, красное и черное дерево, мирру и прочие благовония, слоновую кость, выюки со шкурами. Нагруженные экзотическими товарами, корабли Хатшепсут благополучно вернулись домой.

Исследователи полагают, что путешествия в страну Пунт продолжались и при фараонах Тутмосе III, Аменхотепе II, Хoremхебе и Рамсесе II, а возможно, и при Рамсесе III. А дальше след, ведущий в заветную землю, теряется. Ученые по сей день не знают, где же находилась загадочная страна.

Бытует множество версий, самой нелепой из которых, пожалуй, является попытка отождествить Пунт с Индией. Противоречия очевидны: на рельефах храма в Дейр эль-Бахри мы видим множество деталей, прямо указывающих на Африку. Среди них форма жилищ, животные и женщина со стеатопигией.

Кроме того, корабли знаменитой царицы плыли на юг, а Индия расположена на востоке от Египта.

Некоторые исследователи считают, что в Африке Пунт следует искать, например, на территории современной Эфиопии. В качестве доказательств приводят внешнее сходство жителей таинственной страны с абиссинцами¹. Правда, стеатопигия характерна для Южной Африки. Но ведь правительница страны Пунт могла быть уроженкой других земель. Согласно еще одной гипотезе, загадочная страна находилась чуть южнее – в Сомали. В наше время большинство ученых считают, что Пунт располагался где-то на территории современных Сомали, Эритреи² и части суданского побережья.

Путешествия финикийцев не ограничивались Индийским океаном. Плавая по Средиземному морю, они обогнули Малую Азию и оказались в другом море – Эгейском. Жители островов с удовольствием покупали у заморских гостей железные изделия и яркие ткани. Островитяне оказались наивными, чем не преминули воспользоваться финикийские моряки – они заманивали несчастных на корабли, а потом продавали в рабство на невольничьих рынках Востока. Конечно, вскоре финикийцы приобрели в Эгейском море дурную славу, но именно у них греки научились искусству строить корабли и ориентироваться по звездам.

Финикийские мореходы продвигались все дальше и дальше на запад. Они дошли до Балеарских островов, а затем до Испании – «Страны Мрака», как они ее называли: Испания находится на запад от Финикии, то есть в той стороне, где заходит солнце. В Испании можно было разжиться серебром. Существует такое предание: однажды финикийцы выторговали столько серебра, что их корабли не могли поднять его на борт. Тогда купцы сгрузили все товары, которые стоили дешевле серебра. Но все равно драгоценного металла оставалось слишком много.

¹ Абиссинцы – коренные жители Эфиопии.

² Эритрея – государство на северо-востоке Африки, на побережье Красного моря. Независимость от Эфиопии Эритрея получила в 1993 году. Граничит с Суданом на западе, Эфиопией на юге и Джибути на востоке.

Изворотливые торговцы все-таки нашли выход из положения: они выбросили якоря своих кораблей и отлили новые – серебряные.

Обогнув Испанию, финикийцы увидели, что она отделяется от Африки узким проливом, по обе стороны которого возвышаются остроконечные скалы. Именно через эти «ворота», решили они, и спускается, завершив дневной путь, бог лучезарного солнца Мелькарт. Поэтому финикийцы называли скалы Столбами Мелькарта. Древние греки знали их как Столбы Геракла. Согласно одной версии мифа, Геракл, выполняя задание царя Эврисфея доставить коней с острова Эрифия, который лежал далеко на западе в океане, прошел всю Европу, затем Африку и оказался на краю света. Здесь он и поставил две скалы: одну на африканском берегу, а другую на европейском. В другом варианте Геракл раздвинул горы, закрывавшие выход в океан, и создал пролив.

Сейчас эти скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива у выхода в Атлантический океан называются Гибралтар и Сеута. А выражение «Геркулесовы столпы» («Столбы Геракла») стало нарицательным и означает предел чего-либо, крайнюю точку.

На «краю земли» финикийцы основали около 1104 года до н. э. колонию Гадир – современный Кадис. Из Гадира финикийские мореходы плавали на юг, вдоль западного побережья Африки, и на север, вдоль берега Испании. Их корабли дошли до «островов», которые финикийцы называли Касситеридами, или Оловянными. Здесь они покупали олово, необходимое для выплавки бронзы. Считается, что это были берега полуострова Бретань, где в древности были залежи этого металла.

А еще дальше лежали земли, богатые «золотом севера» – на берегу холодного Балтийского моря отважные моряки меняли свои товары на куски янтаря.

Конечно, Гадир был не единственной финикийской колонией. Около 1100 года до н. э. в Северной Африке близ мыса Аполлона и западного рукава реки Баградаса была основана Утика. Примерно тогда же на карте мира появились Гадрумет и Лептис, расположенные на восточном побережье Туниса, Гиппон на территории современного Алжира и Ликс на атлантическом побережье современного Марокко. Но самой известной колонией финикийцев стал легендарный Карфаген.

Путешествуя на запад вдоль побережья Африки, они обнаружили большой залив. Песчаная отмель в глубине залива образовала естественную гавань. Место было очень удобным, поэтому здесь много раз останавливались купцы из финикийского города Тира. Здесь впоследствии и построили великий город, который стал центром огромного государства, существовавшего в VII–II веках до н. э.

То, что Карфаген был основан выходцами из Тира – научный факт. Но кому именно принадлежит эта честь? Античные авторы говорят, что не то в 826-м, не то в 814 году до н. э. к берегу Тунисского залива подошли корабли женщины по имени Элисса. Также она известна под именем Дидоны. В одном греческом словаре имя Дидона переводится с финикийского как «блуждающая» (πλανητις). Согласно Вергилию³, Дидона бежала сюда после того, как ее брат Пигмалион – царь Тира – убил ее мужа Сихея, чтобы завладеть его богатством.

В окрестностях будущего Карфагена жили ливийские племена. К предводителю одного из них – Гиарбу – и обратилась, по преданию, Дидона. «Мои спутники утомлены долгим плаванием, – сказала она. – Им надо собраться с силами, прежде чем отправиться в путь». Дидона готова была купить столько земли, сколько может охватить бычья шкура. Гиарб согласился – подумаешь, какая малость! Но Элисса-Дидона перехитрила его. Она велела разрезать шкуру на тонкие полоски. Растянув их на холме, финикийцы очертили место, вполне достаточное для постройки крепости. Договор есть договор, и пораженный Гиарб отдал эту землю Дидоне.

³ Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.) – знаменитый древнеримский поэт, автор «Энеиды».

Холм и цитадель на нем назывались с тех пор Бирса – «шкура». На этом холме колонисты нашли конскую голову и сочли это счастливым предзнаменованием. Поэтому на карфагенских монетах часто изображался конь – символ могущества Карфагена.

Царица Элисса через несколько лет покончила с собой. Вергилий рассказывает романтическую историю: Дидона взошла на костер из-за несчастной любви к троянцу Энею, который бросил ее, чтобы продолжить свой путь. А римский историк Юстин, живший предположительно в III веке, пишет, что царица погибла из-за притязаний Гиарба. Он требовал ее руки, а в случае отказа грозил чужакам войной. Загнанная в угол, несчастная Дидона бросилась на меч.

А Карфаген (по-финикийски «Карт-Хадашт» – «Новый город») со временем приобрел огромное влияние. В VIII веке до н. э. Финикия была захвачена Ассирией, а в 538 году до н. э. перешла под власть персов. Затем финикийские колонии Западного Средиземноморья получили независимость и объединились под эгидой Карфагена.

Мифические времена, когда власть финикийцев ограничивалась пределами Бирсы, были давно забыты. Карфаген захватил и присоединил к своим владениям берега Африки, населенные дикими племенами. Со временем карфагеняне не только остановили греческую колонизацию, но и отняли у греков западную часть Сицилии. Корсика, Сардиния и Мальта также достались Карфагену. Пунийцы (так римляне называли финикийцев – жителей североафриканских колоний, хотя, в сущности, этнический состав карфагенян был к тому времени уже довольно пестрым) прибрали к рукам Балеарские острова, а в Испании подчинили более раннюю финикийскую колонию – Гадир. И все это на глазах могущественного Рима!

Карфаген мешал Риму установить контроль над Средиземным морем. В ходе Первой (264–241 гг. до н. э.) и Второй (218–201 гг. до н. э.) Пунических войн Рим сильно потеснил соперника. И тем не менее, римский политик Катон Старший⁴ заканчивал каждое свое выступление в сенате словами: «Карфаген должен быть разрушен!» Мечта Катона сбылась через три года после его смерти – в 146 году до нашей эры, когда в ходе Третьей Пунической войны римский полководец Сципион Эмилиан захватил Карфаген. «Огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалившись все разом, обрушивали их. От этого грохот еще более усиливался, и все вместе с камнями вываливались на середину улиц, вперемешку и мертвые и живые, в большинстве старики, женщины и дети, которые прятались в укромных местах домов; одни раненые, другие полуобнаженные, они испускали жуткие вопли.

Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней... расчищали дорогу для пробежавших солдат, одни – топорами и секирами, другие – остриями крючьев сбрасывая мертвых и еще живых в ямы, таща их и переворачивая железом, как бревна и камни.

Люди, точно мусор, заполняли рвы... Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому, что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудность войны, уверенность в близкой победе, быстрое передвижение войск, военные центурионы, пробежавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, – все это делало всех безумными и равнодушными к тому, что они видели», – писал древнеримский историк Аппиан Александрийский. Шесть дней шли бои на улицах Карфагена. Город был сожжен и разрушен. Римляне вспахали его территорию плугом и засеяли солью в знак того, что тут никто никогда не должен селиться.

Прошло чуть больше ста лет, и римляне решили основать на месте Карфагена колонию. Ее называли «*Colonia Julia Carthago*» («карфагенская колония Юлия») в честь Юлия Цезаря. Римские инженеры сровняли вершину Бирсы и построили храмы и общественные здания.

⁴ Марк Порций Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) – древнеримский полководец, государственный деятель и писатель.

Через некоторое время город вновь утонул в роскоши, но это был уже совсем другой Карфаген. Прежний – мифический и реальный – погиб навсегда.

Финикийцы в Новом Свете?

Конечно, древняя история полна загадок. Но до сих пор мы говорили о фактах, которым ученые способны дать оценку: царица Дидона – персонаж скорее мифический, чем реальный, а страна Пунт, вероятнее всего, берег современного Сомали. Но попадаются задачки и потруднее. Вот одна из них: побывали ли жители Карфагена в Америке? Следы присутствия пунийцев в прибрежных водах Атлантики действительно есть. В 1749 году на одном из Азорских островов – Корву – обнаружили кувшин с карфагенскими монетами 330–320 годов до н. э. Но продвинулись ли отважные мореходы дальше на запад?

В прессе и научно-популярной литературе то и дело появляются рассказы о том, как какой-нибудь исследователь нашел неоспоримые доказательства пребывания финикийцев в Новом Свете. К этим свидетельствам – надписям или предметам – ученые относятся скептически. И их предубеждение вполне понятно: каждый раз повторяется одна и та же история – «неоспоримые доказательства» оказываются изготовленными руками мошенников.

Приведем несколько примеров. В 1869 году на берегу реки Онондаги в штате Нью-Йорк откопали громадную каменную статую со стершейся финикийской надписью. Однако вскоре выяснилось, что это подделка. Не вызвал особых сомнений в неподлинности и другой артефакт – плита с финикийскими письменами, найденная в 1874-м в Параибе на территории Бразилии. Прошел год и снова сенсация: в том же Параибе обнаружили якобы *настоящую* финикийскую надпись! За ее подлинность ручался наивный директор Национального музея в Рио-де-Жанейро – доктор Владислав Нетто. Вот содержание этой надписи. Несколько человек спаслись во время гибели Карфагена и переправились через океан. Некоторые из них, в том числе предводитель, погибли, а авторы этого послания живы, но их подстерегает смерть из-за невыносимой жары. Конечно, доктор Нетто никакого отношения к подделке не имел – просто, по-видимому, был романтиком и очень хотел верить, что находка – подлинник. Но через несколько лет другой ученый, один из лучших знатоков финикийской письменности, немецкий профессор Литтман увидел факсимиле этой надписи. Выяснилось, что ничего нового нет под солнцем: это был слегка измененный вариант первой фальшивки из Параибе.

Но на этом история «Бразильского камня» не заканчивается. Следующий вариант надписи из Параибе приобрел известность почти через сто лет. Копию очередного «неоспоримого доказательства» обнаружили в старых бумагах американского репортера Уильберформа Имса, к тому времени давно покойного. Историк из университета Брандейса в США профессор Сайрус Гордон прочитал послание финикийцев, датировал его VI веком до н. э. и сделал перевод: «Мы – сыны Ханаана из Сидона, города царя. Торговые дела завели нас на этот далекий берег, в край гор. На 19 году (правления Хирама, нашего могущественного царя) мы принесли в жертву великим богам и богиням юношу. Мы отплыли из Эзион-Гебера в Красное море и отправились в путешествие на 10 судах. Два года все вместе мы плыли по морю вокруг земли Хам (Африка), но были разлучены рукой Ваала (штормом) – и уже не стало с нами наших товарищей. И так мы попали сюда, 12 мужчин и три женщины, на... берег, который покорился мне, адмиралу. Да благоприятствуют нам великие боги и богини!»

Выводы Гордона опроверг профессор из Гарвардского университета Фрэнк М. Кросс. Он заметил, что буквы, которыми сделана надпись, были в ходу в различные периоды истории Финикии, поэтому не могут сосуществовать в рамках одного текста, если, конечно, он не поддельный. Аромат тайны развеялся. Но в истории древних семитов все же есть еще одна загадка, над которой ученые ломают голову по сей день. Все началось с дружбы двух царей...

Копи царя Соломона

Об одном из них – библейском Соломоне, сыне Давидовом (он же герой арабских сказок Сулейман ибн-Дауд), – мы слышали с детства. Правитель объединенного Израильского царства в 965–928 годах до н. э., в период его наивысшего расцвета, был настоящим мудрецом. Соломон – автор нескольких книг Священного Писания, а именно Песни Песней, Книги Притчей Соломоновых, некоторых псалмов, и, как полагает большинство ученых, Книги Екклесиаста, в которой есть такие слова: «Суета сует! Все – суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под Солнцем? Род проходит и род приходит, а Земля пребывает вовеки; восходит Солнце и заходит Солнце-и спешит к месту своему, где оно восходит; идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем-и возвращается ветер на круги свои; все реки текут в море, но море не переполняется – к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи – в труде; не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием; что было – то и будет, и что делалось – то и будет делаться, и нет ничего нового под Солнцем! Бывает нечто, о чем говорят: Смотри, вот, это – новое! – но *это* было уже в веках, бывших прежде нас! Нет памяти о прежнем – да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после!»

Этот царь прославился как справедливый судья. Вот о чем рассказывает одна притча. Вскоре после того как Соломон взошел на престол, к нему пришли две женщины и попросили их рассудить. Они жили в одном доме, и у каждой был грудной ребенок. Ночью одна из них задавила своего младенца и подложила его другой женщине, а ее ребенка – живого – взяла себе. Утром женщины начали спорить: «Живой ребенок мой, а мертвый твой», – утверждала каждая из них. Не придя к согласию, они отправились к царю. Соломон выслушал их и приказал принести меч. «Рассеките живого ребенка пополам и отдайте половину одной и половину другой». Одна из женщин испугалась и закричала: «Нет! Отдайте лучше ей младенца, но не убивайте его!» В то же время другая сказала: «Рубите, пусть не достанется ни ей, ни мне». Тогда Соломон принял решение: «Не убивайте ребенка, а отдайте его первой женщине: она его мать». Много удивительных историй рассказано о мудрости еврейского царя. Так, например, на его знаменитом кольце было начертано: «Все проходит», а на внутренней стороне была еще одна надпись: «И это пройдет». Таков был царь Соломон.

А другого царя, о котором пойдет речь, звали Хирам. Хирам I Великий был финикийцем – царем тирским и библским. Тир при нем достиг своего расцвета. Хирам был в дружественных отношениях с отцом Соломона Давидом, и, как говорит Библия, отправил к Давиду плотников и снабдил его кедровыми деревьями для постройки его дворца в Иерусалиме. Когда на престол взошел Соломон, Хирам прислал к нему посольство. Соломон в это время приступил к постройке Иерусалимского храма и попросил финикийского царя о содействии. Цари заключили между собой союз. Хирам присылал Соломону кедровые и кипарисовые деревья, золото, а также каменщиков и плотников. Среди финикийцев, прибывших к Соломону, был человек по имени Хирам-Авий. Он стал начальником строительства. Знаменитый еврейский историк I века н. э. пишет о дивном искусстве Хирама-Авия следующее: «Этот человек был знатоком во всякого рода мастерствах, особенно же искусным художником в области обработки золота, серебра и бронзы, ввиду чего он и сделал все нужное для украшения храма сообразно желанию царя Соломона. Этот-то Хирам соорудил также две медные колонны для наружной стены храма, в четыре локтя в диаметре. Высота этих столбов доходила до восемнадцати аршин, а объем до двенадцати локтей. На верхушку каждой колонны было поставлено по литой лилии вышиною в пять локтей, а каждую такую лилию окружала тонкая бронзовая, сплетенная как бы из веток сеть, покрывавшая лилию. К этой сети примыкало по двести гранатовых яблок, расположенных двумя рядами. Одну из этих колонн Соломон поместил с правой стороны главного

входа в храм и назвал ее Иахин, а другую, которая получила название Воаз, он поставил с левой стороны. Затем было вылито и медное „море“ в форме полушария. Такое название – „моря“ – этот сосуд для омовения получил благодаря своим объемам, потому что он имел в диаметре десять локтей, а толщина была в ладонь. Дно этого сосуда в середине покоилось на подставке, состоявшей из десяти сплетенных медных полос, имевших вместе локоть в диаметре. Эту подставку окружало двенадцать волов, обращенных по трое во все четыре стороны света и примыкавших друг к другу задними конечностями, на которых и покоился во всей окружности своей медный полушаровидный сосуд. „Море“ это вмещало в себя три тысячи батов. Вместе с тем мастер Хирам соорудил также десять бронзовых четырехугольных подставок для сосудов, которые назначались для омовений. Каждая такая подставка имела пять локтей длины, четыре ширины и шесть высоты, и каждая из них была устроена и украшена резьбой следующим образом: вертикально были поставлены по четыре четырехугольные колонки, которые соединялись между собою поперечными пластинками (планками), образовавшими три пролета, из которых каждый замыкался столбиком, опиравшимся на нижнюю раму всей подставки. На этих столбиках были сделаны рельефные изображения где льва, где вола, а где и орла. Такие же рельефные изображения, как и на средних колонках, имелись также на крайних столбах. Вся эта подставка покоилась на четырех подвижных литых колесах, диаметр которых вместе с ободом доходил до полутора локтей. Всякий, кто смотрел на окружность этих колес, не мог не удивиться тому, как искусно они были пригнаны и прилажены к боковым столбам подставки и как плотно они прилегали к основе этой подставки. Верхние концы основных крайних столбов заканчивались ручками наподобие вытянутых вперед ладоней, а на этих последних покоилась витая подставка, поддерживавшая умывальник, в свою очередь опиравшийся на колонки с рельефными изображениями львов и орлов, причем весь верх этой подставки был так искусно скреплен между собою, что на первый взгляд казался сделанным из одного куска. Между рельефными изображениями указанных львов и орлов выделялись также рельефные финиковые пальмы. Таков был характер означенных десяти подставок для сосудов. Затем Хирам сделал и самые десять умывальниц, круглых медных сосудов, из которых каждый вмещал в себе по сорока батов. Глубина каждого сосуда доходила до четырех локтей; такой же величины был и диаметр их от края до края. Эти умывальницы он поставил на означенные десять подставок, получивших название мехонот. Пять умывальниц было помещено налево, то есть от храма, с северной стороны его, и столько же с правой, то есть с южной стороны, если обратиться лицом к востоку. Тут же было вмещено и „медное море“. После того как эти сосуды были наполнены водою, царь назначил „море“ для омовения рук и ног священников, входивших в храм и собиравшихся приступить к алтарю, тогда как целью умывальниц служило обмывание внутренностей и конечностей животных, назначавшихся к жертве всесожжения. Затем был сооружен также медный алтарь для жертв всесожжения, длиною и шириною в двадцать локтей, а вышиною в десять. Вместе с тем Хирам вылил из меди также все приборы к нему, лопаты и ведра, кочерги, вилы и всю прочую утварь, которая красивым блеском своим напоминала золото. Далее царь распорядился поставить множество столов, в том числе один большой золотой, на который клали священные хлебы предложения, а рядом бесчисленное множество других, различной формы; на последних стояли необходимые сосуды, чаши и кувшины, двадцать тысяч золотых и сорок тысяч серебряных. Сообразно предписанию Моисееву было сооружено также огромное множество светильников, из которых один был помещен в святилище, чтобы, по предписанию закона, гореть в течение целого дня; напротив этого светильника, который был поставлен с южной стороны, поместили у северной стены стол с лежавшими на нем хлебами предложения. Между обоими же был воздвигнут золотой алтарь. Все эти предметы заключались в помещении в сорок локтей ширины и длины, отделявшемся завесою от Свята святых. В последнем же должен был поместиться кивот завета».

Конечно, грандиозное строительство в столице и обустройство государства требовало пополнения казны. Царь Соломон вел морскую торговлю. У него было множество кораблей в Тарсийском море, то есть в заливе Средиземного моря в Киликии, около города Тарса. Соломон закупал в разных землях серебро, золото, слоновую кость и рабов. Экспедицию в загадочную страну Офир Соломон снарядил также с помощью царя Хирама. Хирам прислал ему своих корабельщиков, знающих море, и вместе с подданными Соломона они отправились в путь. Оттуда моряки привезли, как сказано в третьей книге Царств, четыреста двадцать или, как говорит вторая книга Паралипоменон, четыреста пятьдесят талантов золота. Эта цифра поражает воображение. У разных народов мера веса «талант» варьировалась, но принято считать, что у евреев 1 талант в библейские времена составлял 44,8 кг. То есть речь идет о 18–20 тоннах золота! Веком позже другой царь – Иосафат – тоже решил отправить корабли в Офир, но, как говорит Библия, они «разбились в Ецион-Гавере».

Следующую попытку предпринял, по-видимому, фараон Нехо II, правивший на рубеже VII и VI веков до н. э. Руководить экспедицией он, как и Соломон, поручил финикийцам. Корабли отправились на юг из порта на побережье Красного моря. До возвращения экспедиции Нехо не дожил. Но проживи он дольше, был бы разочарован: моряки вернулись ни с чем. Офир они не нашли, правда, обогнули Африку, что с точки зрения истории было огромным достижением. Вот как повествует об этом эпохальном событии Геродот⁵: «Ливия... по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта... послал финикийцев на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столбы... Финикийцы вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному⁶ океану. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю, затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийцы обогнули Геракловы Столбы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю...), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне. Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем». Но подробностей, в которую Геродот не верит, как раз доказывает, что финикийцы действительно пересекли экватор и обошли вокруг африканского континента.

Но где же находилась таинственная страна Офир? По одной из самых популярных версий, финикийцы, миновав Красное море, взяли курс на юго-восток, обогнули полуостров Индостан и причалили где-то у восточных берегов Индии. Иосиф Флавий в I веке писал, что экспедиция Соломона отправилась «в страну, которая в древности называлась Софиром, а теперь именуется Золотой страной (она находится в Индии)». Безусловно, где же еще искать чудес, если не в Индии? Были также попытки связать с Офиром название индийского племени абхира. Но немецкий географ Рихард Хенниг считает индийскую версию сомнительной, поскольку тамошние правители «вряд ли разрешили бы каким-либо иноземным морякам заниматься разработкой залежей и запросто вывозить из страны богатейшие сокровища». А может быть, моряки Соломона не разрабатывали залежи, а просто обменяли на золото какие-то товары? В XVII веке немецкий ученый Бохарт высказал предположение, будто существовало два Офира – один в Аравии, а другой в Индии – и что флот Соломона предпринял плавание на Цейлон. Название местности Дхофар в Аравии тоже казалось исследователям похожим на слово «Офир». На Аравийском полуострове таинственную страну искали в Сабейском царстве, а также между Йеменом и Хиджазом. Однако через Аравию проходили караванные пути, а, значит, незачем было плыть морем. По той же причине маловероятна местность Миднац, находящаяся у залива Акаба, недалеко от Ецион-Гавера, из которого экспедиция Соломона отправилась в путь.

⁵ Геродот Галикарнасский (484–425 до н. э.) – древнегреческий историк, автор трактата «Истории», описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Под Ливией он имел в виду Африку.

⁶ Южным Геродот называл Индийский океан.

Из далекой Аравии к Соломону по торговому пути, который назывался Дорогой благовоний, прибыл груженный подарками караван правительницы Сабейского царства царицы Савской. Прослышав о Соломоне, она прибыла в Иерусалим испытать царя загадками и поразила его мудрости. Согласно эфиопским преданиям, Соломон и царица Савская стали родоначальниками трехтысячелетней династии абиссинских императоров. Кроме того, существует эфиопская легенда, что царица родилась в стране Офир, и лишь в пятнадцатилетнем возрасте переехала в Сабейское царство, где стала правительницей. Но где же находилась ее родина?

Марокканский путешественник Ибн-Баттута, около 1335 года посетивший Софалу на территории современного Мозамбика, сообщил, что глубже в Юго-Восточной Африке лежит богатая золотом страна Йоуфи. В 60-х годах XIX столетия охотник Адам Рендерс обнаружил в Юго-Восточной Африке какие-то руины. Это было Великое Зимбабве – комплекс древних каменных сооружений. Через некоторое время Рендерс показал дорогу к ним немецкому геологу Карлу Мауху, который впервые описал это место. Он предположил, что здесь находился дворец царицы Савской. Позже Великое Зимбабве исследовал английский археолог Джеймс Т. Бент. Он утверждал, что город построили финикийцы или арабы. Однако в 1929 году другой известный археолог – англичанка Гертруда Кейтон-Томсон доказала, что руины имеют африканское происхождение. Она считала, что Великое Зимбабве было основано около 1300 года н. э. и существовало в течение двух-трех столетий, то есть страной Офир оно быть никак не могло.

Кстати, есть исследователи, которые полагают, что возможно, моряки Соломона причалили к берегу в районе Софалы и купили золото у туземных племен – ведь на территории современного Зимбабве действительно есть залежи золота.

Месторождения золота есть и в Эфиопии, поэтому в тех краях тоже искали загадочную страну Офир. Золото добывают и в Малайзии. Кроме того, считается, что Птолемей⁷ называл «Золотым Херсонесом» полуостров Малакку. Значит, как полагают некоторые исследователи, располагался Офир где-то здесь. Однако нет никаких подтверждений тому, что таинственная страна находилась в Эфиопии или Малайзии. А Соломоновы острова, лежащие в Тихом океане к востоку от Новой Гвинеи, на самом деле не имеют к царю Соломону никакого отношения, да и золота здесь нет. Просто открывший эти острова в 1568 году испанец Альваро Менданья де Нейра принял желаемое за действительное и поверил, будто нашел, наконец, Офир.

А как же Америка? Неужели Офир искали везде, только не на ее удивительных землях? Конечно, нет. Один испанский конкистадор – Васко Нуньес де Бальбоа, который первым из европейцев пересек в 1513 году Панамский перешеек и добрался до берегов Тихого океана, – утверждал, что знает путь в страну Офир. Там «золото лежит у поверхности земли и его роют лопатами». Васко Нуньес де Бальбоа хотел отправиться туда, но не успел, поскольку скончался.

И даже в наши дни американскую версию не сбрасывают со счетов. В то, что страна Офир находилась в Перу, верил Джин Савой. Этого неординарного человека, безусловно, считают авантюристом. Кроме того, он был не профессионалом, а всего лишь любителем. Однако любителем потрясающе талантливым и упорным... Академичные ученые до конца его дней (а умер он совсем недавно, в 2007 году) то аплодировали ему, то обвиняли в некомпетентности и поспешности суждений. Журнал «People» назвал его настоящим Индианой Джонсом. Савой получил ряд наград от перуанского правительства, и, следует заметить, совершенно заслуженных.

Настоящее имя этого человека – Дуглас Юджин Савой. Он родился в 1927 году в городе Беллингем (штат Вашингтон). В 17 лет он уже воевал – был морским стрелком во время Второй мировой. После войны Савой работал журналистом и редактором газеты. Славу ему при-

⁷ Клавдий Птолемей (ок. 87-165) – древнегреческий астроном, математик, оптик, теоретик музыки и географ.

несли путешествия в джунгли Перу. В 1964 году археолог-любитель нашел город Вилькабамбу – последнюю столицу инков, павшую в 1572 году.

Джин Савой продолжал работу, и в 1965 году исследовал другой затерянный город, на сей раз построенный индейцами чачапоя – Гран-Пахатен. Формально он не открыл его, а просто изучил и описал – за год до того руины обнаружили местные жители. Местный мэр сообщил о находке в Лиму, но столичные власти не обратили на это внимания.

В 1969 году неутомимый Джин построил камышовый плот древней конструкции, известный как «Пернатый Змей I». Вместе со своей командой Савой проделал путь вдоль берега Перу в Мезоамерику – он хотел доказать, что перуанцы и мексиканцы еще в древности могли поддерживать контакты друг с другом, и их культурные герои⁸ – мифические Виракоча и Кецалькоатль – на самом деле один и тот же персонаж.

В 1977-м от берега отчалил «Пернатый Змей II». Он отправился из США на острова Карибского моря, потом в Центральную и Южную Америку и наконец на Гавайи. Савой изучал ветры и океанические течения, искал морские пути в Америку, которыми, возможно, плавали древние.

Путешествуя на своих экзотических «судах», Джин показал себя великолепным мореплавателем, но его снова манили джунгли. В 1984-м он возвращается в Перу. Казалось, археолог ничего не боится: ни гепатита, которым болел во время странствий, ни змей, хотя они не раз его кусали, ни вооруженных партизан, недаром его кумиром был Эрнест Хемингуэй, который вел жизнь, полную приключений. В 1985-м Савою улыбнулась удача – он нашел еще один памятник культуры чачапоя – огромный комплекс Гран-Вилайя в долине реки Уткубамба, простирающийся на сто квадратных миль. С 1985-го по 1994 год Савой организовал шесть экспедиций в Гран-Вилайя. В конце 1989-го он сделал удивительное открытие: на окраине города обнаружил пещеру, спрятанную высоко в скале, и в ней – большие плиты типа дольменов, покрытые надписями. Один из символов привлек внимание исследователя: он решил, что это знак, которым царь Соломон отмечал свои корабли, отправлявшиеся в страну Офир.

В 1997 году Джин Савой вновь отправился в морское путешествие. «Пернатого Змея III» строили два года. Каноэ-катамаран из красного дерева имел 73 фута в длину. Его половинки были связаны веревками, а устройство напоминало о доинкских и полинезийских судах. Целью Савоя было доказать, что перуанцы могли плавать в открытом море. Каноэ Джина добралось из Перу до Гавайских островов за 42 дня.

С последним крупным открытием Савоя – Гран-Сапосоа – связана серия скандалов. В 1999 году он обнаружил в высокогорных лесах перуанского департамента Амазонас руины и предположил, что это доколумбов город Кахамаркилья, построенный все теми же чачапоя. Однако ученые опровергли доводы Савоя, ссылаясь на источники, в которых было указание на то, что Кахамаркилья – прежнее название современного высокогорного города Боливар. Кроме того, датские, немецкие и американские исследователи заявили, что давно знали о Гран-Сапосоа. В сентябре 2005 года сын Джина Савоя, Шон, сделал заявление для агентства «Ассошейтед Пресс»: Гран-Сапосоа ограбили. После этого обвинения посыпались со всех сторон: научная общественность нападала как на правительство Перу, не способное обеспечить защиту ценного памятника истории, так и на Джина Савоя, который раструбил о Гран-Сапосоа в прессе и привлек к руинам внимание «черных археологов».

Резкой критике подвергли ученые и гипотезу Савоя о том, что Офир мог располагаться в Перу. Верить ли археологу-любителю? Судите сами.

⁸ *Культурный герой* – тип мифологического героя, великий создатель и исследователь, часто божественного происхождения или обожествленный впоследствии.

Античные мореплаватели

Не боясь ни Сциллы ни Харибды

Поскольку финикийцы были прославленными мореходами, народы, жившие на берегах Средиземного моря, старательно учились у них. Но финикийцы умели хранить тайны. Боясь конкуренции, они не спешили раскрыть все секреты и даже пугали иноземцев разными страшными историями. Так, например, мифические Сцилла и Харибда, по распространенной версии, – плод буйной фантазии именно финикийских моряков. Вот как описывает этих чудищ Гомер. Скала Сциллы вздымалась высоко, ее острая вершина достигала неба и была вечно покрыта темными облаками. Посреди нее, на высоте, куда не долетают стрелы, зияла жуткая пещера, обращенная на запад: в ней и обитала ужасная Сцилла, оглашая окрестности лаем и визгом.

У страшилища было двенадцать лап, а на косматых плечах подымалось шесть длинных гибких шей, увенчанных головами. Зубы Сциллы были очень острыми и располагались в три ряда. Сидя в своей пещере, чудовище выставляло все шесть голов наружу – так оно выслеживало добычу. Свесив лапы со скалы, Сцилла ловила дельфинов и других морских животных. А когда мимо ее обиталища проходил корабль, монстр разевал пасти и разом похищал с корабля по шесть человек. Харибда же обитала под второй скалой. Незримая водяная богиня три раза в день поглощала и извергала морскую воду, образуя опасный для путешественников водоворот. Сцилла и Харибда охраняли Мессинский пролив – пролив между Сицилией и Италией.

В представлении древних греков море и океан выглядели совсем иначе, чем на самом деле. В описании того же Гомера океан – это величайший в мире поток, в котором берут начало все реки, из него восходят солнце, луна и звезды. Согласно греческим мифам, у входа в океан стоял великий Атлант, который держал на плечах небесный свод – потому-то и называли они океан Атлантическим.

Греки были уверены, что берега океана населяют удивительные народы, а на его просторах затеряны чудесные острова, жизнь на которых напоминает сказку. Гесиод – знаменитый поэт и рапсод, то есть исполнитель эпических поэм, живший в VIII–VII веках до н. э., называл эти острова Блаженными. На них обитали легендарные герои – остатки «расы», которая предшествовала нынешним людям. Множество героев нашли смерть на полях великих сражений, таких как Троянская война, а тем, что остались, Зевс дал место на краю Земли – вдали от людей. Кипящий водоворотами океан окружает эти острова, и нелегко до них добраться. Ничто не нарушает спокойствия островитян – плодородная земля приносит им урожай плодов трижды в год, а плоды там медово-сладкие. Ни забот, ни печали не ведают герои.

Современному человеку трудно понять древних греков: о том, что подобных чудес на Земле нет и быть не может, знает даже ребенок, еще не знакомый со школьным курсом географии. Но в античности и средневековье о дивных островах – Островах Счастливых, Гесперидах и Елисейских полях – писали в научных трудах (и даже снаряжали туда экспедиции, о которых мы расскажем подробно в главе «На путях в Азию»). В отличие от современного человека, всегда скептически настроенного по отношению к тому, что он читает или слышит, люди античности и средневековья доверяли книге. Вообразите, какова была сила авторитета, если в университетах учили, что у мухи восемь лапок – так по ошибке написал Аристотель в трактате «О частях животных», и никто не смел эти лапки пересчитать. Правда, педантичные ученые мужи обычно ссылались на источник, из которого почерпнули сведения о тех или иных народах, но сослаться можно и абстрактно: «говорят, что...». Так, например, Геродот пишет: «К западу

от реки Тритона в пограничной с авсеями области обитают ливийцы⁹-пахари, у которых есть уже постоянные жилища. Имя этих ливийцев – максии. Они отращивают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой, а свое тело окрашивают суриком. Говорят, будто они – выходцы из Трои. В их земле, да и в остальной части Ливии к западу гораздо больше диких зверей и лесов, чем в области кочевников. Ведь восточная часть Ливии, населенная кочевниками, низменная и песчаная вплоть до реки Тритона. Напротив, часть к западу от этой реки, занимаемая пахарями, весьма гористая, лесистая, с множеством диких зверей. Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи, ядовитые гадюки, рогатые ослы, люди-песьеглавцы и совсем безголовые, звери с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливийцы), затем – дикие мужчины и женщины и еще много других уже не сказочных животных».

Не боясь чудовищ и неизведанных стран, греки постепенно стали искусными мореплавателями. Это было обусловлено практической необходимостью: ни один город Греции не был удален от моря более чем на 90 км, большинство селений располагалось еще ближе к берегу. А было еще и множество островов и островков, на которых можно было жить вполне комфортно, если, конечно, иметь хорошие суда – ведь надо постоянно подвозить туда товары. А когда Средиземноморье и Причерноморье стало ареной греческой колонизации, колонии – Тарент, Сиракузы, Массалия, Трапезунд, Херсонес Таврический и другие – тоже потребовали регулярного снабжения, ведь многие из них находились от метрополии довольно далеко. Кроме того, колонии надо было защищать. Поэтому греческие корабли способны были выдержать конкуренцию даже с финикийскими. Доказательством тому служит битва при Саламине в 480 году до н. э., когда суда греков – триеры, то есть парусно-гребные корабли с тремя рядами весел, – наголову разбили эскадру персидского царя Ксеркса, часть которой состояла из финикийских кораблей.

Известно также, что греки совершали далекие океанские плавания. Еще в VII веке до н. э. уроженец Самоса Колей, пройдя через Гибралтарский пролив, побывал на западном побережье Испании, в богатом городе Тартесе. А в VI веке до н. э. Эвтимен из Массалии исследовал атлантическое побережье Северной Африки. Но самое знаменитое путешествие совершил в IV веке до н. э. массалиот Пифей.

Тайна Пифея

Свое путешествие он начал из родного города Массалия (современный город Марсель на юге Франции), миновал Гибралтарский пролив, проплыл вдоль атлантического побережья Пиренейского полуострова, вышел в Бискайский залив и прошел мимо берегов Галлии (современная Франция). Дойдя до берегов полуострова Арморика (нынешняя Бретань), этот отважный мореплаватель взял курс на Британию. Дойдя до современного мыса Ленде-Энд (что в переводе значит «конец земли»), расположенного на юго-западной оконечности Британии, он обошел этот остров вокруг и вернулся в то же место. От берегов Шотландии он поплыл к загадочному острову Туле, после чего через Северное море добрался до полуострова Ютландия (современная Дания), прошел в Балтийское море и оттуда вернулся в город Гадес на южной оконечности Пиренейского полуострова (современный город Кадис в Испании). Общая протяженность маршрута путешествия Пифея достигает приблизительно 12 000 километров. Во времена Пифея это был подвиг человеческого духа. Даже расстояние, пройденное экспедицией Христофора Колумба, было значительно меньше, чем то, что преодолел Пифей, хотя он плывал в прибрежных водах.

По возвращении домой Пифей написал научный труд «Об Океане», в котором рассказал подробности своего путешествия.

⁹ Как мы помним, Геродот подразумевал под Ливией Африку.

Будучи, как и многие древние ученые, энциклопедистом, Пифей занимался не только географией, но и другими науками. Благодаря глубоким познаниям в математике и астрономии он сумел с потрясающей точностью вычислить географическую широту родного города Массалии. Пифей создал передовую для своего времени теорию приливов и отливов: он проследил их связь с фазами Луны. К сожалению, теория Пифея не дошла до нас непосредственно, мы знаем ее только в пересказах других античных авторов. Кое-кто из древних использовал и другие выводы морехода из Массалии. В частности, полемизируя с Эвдоксом Книдским¹⁰ о расположении звезд на полюсе мира, Гиппарх¹¹ приводит результаты астрономических наблюдений Пифея, которые тот проводил во время своего плавания в северных широтах.

Правда, спустя некоторое время, несмотря на доверие Гиппарха и Эратосфена¹², античные ученые стали относиться к труду Пифея скептически. Так Полибий¹³ сомневался, что небогатый и незнатный человек имел возможности для путешествия по окраинам ойкумены¹⁴. Современные исследователи совершенно обоснованно возражают Полибию. Во-первых, Полибий жил два столетия спустя после смерти Пифея, поэтому получить какие-либо достоверные сведения о бедности последнего он не мог. Во-вторых, Пифей посвящал много времени занятиям астрономией, что было бы невозможно, не будь у него денег.

А в-третьих, чтобы разобраться, прав ли Полибий, надо рассмотреть причины, по которым люди того времени отправлялись в дальние странствия. Сигналом тронуться в путь могли быть, например, результаты гадания с помощью костей, внутренностей животных и полета птиц, ответы различных оракулов, выполнение обетов, данных богам по разным поводам, желание посетить тот или иной известный храм. Среди светских причин можно назвать дипломатические миссии и существовавший испокон веков шпионаж. Были еще военные походы. Греки жили в тесных долинах у подножия гор и на крохотных равнинах вдоль побережий. В мирное время население этих клочков земли быстро росло, появлялись «лишние люди», которым трудно было прокормиться от щедрот матери-природы. Эллины нашли выход – они расширяли греческий мир за счет земель варваров. В своем роде путешественниками становились также наемники, многие из которых получили хорошее образование. Участие греков в военных кампаниях на территории Персидской державы позволило получить ценные знания о землях и народах Ближней Азии. Во многом уже известными путями, в том числе благодаря таким военачальникам как Ксенофонт¹⁵, пойдет на Восток армия Александра Македонского. «Вождь всех эллинов» был учеником самого Аристотеля. И знаменитый приказ «Армию – в каре, ослов и ученых – в середину» вполне мог прозвучать на два тысячелетия раньше, чем его отдал будущий император Франции Наполеон Бонапарт.

Иногда к научным открытиям приводило и просто желание увидеть своими глазами те чудеса и тайны, которыми полны неведомые земли. Но почему же отправился в путь наш герой Пифей? Не стоит забывать о том, что жители Массалии торговали ремесленными изделиями,

¹⁰ Эвдокс Книдский (ок. 408 – ок. 355 до н. э.) – древнегреческий математик и астроном

¹¹ Гиппарх Никейский (ок. 190 – ок. 120 до н. э.) – древнегреческий астроном, географ и математик. Гиппарха часто называют величайшим астрономом античности, поскольку он привнес в греческие геометрические модели движения небесных тел, предсказательную точность астрономии Древнего Вавилона.

¹² Эратосфен Киренский (276–194 до н. э.) – греческий математик, астроном, географ и поэт.

¹³ Полибий (?201 до н. э., Мегалополь, Аркадия – ?120 до н. э.) – греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 томах, охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220 по 146 г. до н. э.

¹⁴ У греков был особый термин – «ойкумена» (греч. οἰκουμένη, от греч. οἰκέω – «населяю, обитаю»). Его ввел древнегреческий историк и географ Гекатей Милетский (прим. 550–490 до н. э.) для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе. Сначала этим словом обозначались земли, заселенные греческими племенами, а позже так стали называть заселенные и известные человечеству территории в целом.

¹⁵ Ксенофонт (не позже 444 – не ранее 356 до н. э.) – древнегреческий писатель, историк, афинский полководец и политический деятель. Ксенофонт – автор «Анабасиса Кира» – сочинение, описывающее историю злополучного «похода 10000» греков в составе войска Кира Младшего на Вавилон против его брата, персидского царя Артаксеркса II.

товарами роскоши и винами, а кроме того, зарабатывали деньги как торговые посредники. Поэтому поиски новых рынков сбыта были очень важны для массалиотов. Их могли интересовать и новые источники сырья для греческих ремесленников (месторождения металлов, места залегания глины), а также лесов с ценными породами дерева. Так почему же Полибий решил, что Пифей оплатил путешествие из собственного кармана? Он мог получить средства из казны полиса: исходя из практических соображений, граждане города вполне могли финансировать плавание своего храброго соотечественника.

Естественно, Пифей сочетал общественное и личное, коммерцию и науку. Однако несомненно, что в первую очередь он представлял интересы своего полиса, а не свои собственные. Массалиоты были известны как купцы далеко за пределами Западного Средиземноморья, и, конечно, монополия Карфагенской державы на торговлю со странами Атлантического побережья Европы была им не по вкусу. Балтийский янтарь, североевропейская пушнина и британское олово – вот в чем нуждалась Массалия.

Выполняя важное поручение, Пифей побывал на юге Британии и отметил, что местные жители гостеприимны и постоянно торгуют с купцами из других краев ойкумены. Он описал процесс добычи олова путем прорывания тоннелей и галерей и определил форму слитков олова как похожую на «астргалы» – игральные кости. Пифея поразило хитроумие аборигенов: готовые слитки они перевозили по морскому дну во время отлива.

Посетил Пифей и страны Балтии, где своими глазами видел, как местные жители используют драгоценный янтарь в качестве топлива. Лишь незначительная его часть предназначалась на продажу.

Рассказы Пифея о море, движениях морской воды, наблюдения за растениями и животными в различных географических зонах, путевые заметки о живущих там людях свидетельствуют об отличном знакомстве автора с предметом повествования. Столь подробное описание мог сделать лишь тот человек, который действительно побывал в этих краях.

Но есть и факты более чем странные. Так Пифей якобы добрался до некой земли Туле. Что именно он за нее принял, да и побывал ли там вообще, остается загадкой. К сожалению, труд «Об Океане» до наших дней не сохранился, и судить о нем мы можем только по цитатам и пересказам позднейших авторов, как веривших, так и не веривших Пифею. Среди последних – Страбон¹⁶, который считал ложью многое из того, что написал путешественник. Для начала Страбон справедливо обвиняет Пифея в неточности указанных расстояний и, более того, в их завышении. Однако не стоит забывать, что у античных мореплавателей не было навигационных инструментов для вычисления точного расстояния на море. Далее Страбон пишет, что земля Туле – выдумка, поскольку «современные писатели ничего не могут сообщить о какой-либо стране севернее Иерны, которая находится к северу от Бретани и вблизи от нее и является местом обитания совершенно диких людей, вследствие холода живущих в скудости; поэтому я полагаю, что северный предел обитаемого мира следует считать здесь». Иерне называлась в те времена Ирландия.

Обратимся теперь к авторам, которые считали Туле реально существующей территорией, а отнюдь не фантазией Пифея. Так, например, Клеомед¹⁷ рассказывает о пребывании Пифея в земле Туле уверенно и твердо, он считает, что рассказ массалиота правдив от начала до конца.

Любопытный штрих в спор о путешествии Пифея вносит описание им белых ночей – явления, совершенно неизвестного античным грекам, да и многим другим народам Средиземно– морского ареала и хорошо знакомое многим путешественникам и землепроход-

¹⁶ Страбон (ок. 64/63 – ок. 23/24 н. э.) – греческий историк и географ, автор не сохранившейся «Истории» и сохранившейся почти полностью «Географии» в 17 книгах.

¹⁷ Клеомед – древнегреческий астроном и философ-стоик. До нас дошло единственное его сочинение «Учение о круговращении небесных тел». Время жизни Клеомеда достоверно неизвестно. Ученые полагают, что он жил либо в первой половине I века до н. э., либо во второй половине IV века н. э.

цам позднейших времен. Предоставим слово римскому географу Помпонию Меле¹⁸: «Туле... Там... ночи летом светлые, потому что в это время солнце, уже поднявшись выше, хотя само не видимо, однако скрытым по соседству блеском освещает ближайшие к нему места. В момент же летнего солнцестояния ночей нет, так как солнце тогда уже гораздо лучше видимое, являет не только свое сияние, но также большую часть своего шара».

Пифея из Массалии цитирует греческий ученый Гемин Родосский¹⁹. Повествуя о жителях северных стран, – то есть обитателей земель за Пропонтидой (совр. Мраморное море), – Гемин Родосский пишет: «У тех, кто живет севернее Пропонтиды, самый длинный день составляет шестнадцать равноденственных часов, у тех же, кто живет еще дальше на север, этот день длится семнадцать и восемнадцать часов. В эти места, кажется, приходил Пифей Массалиот. В самом деле он говорит в своих описаниях Океана: „Варвары нам показывали, где садится солнце. Ведь в этих местах случается, что ночь бывает совсем короткой, длясь два или три часа, так что солнце, садясь, после короткого интервала тотчас поднимается“».

Плиний Старший²⁰ тоже упоминает Пифея и его описание Туле. По словам Плиния, остров Туле расположен там, где Солнце ближе всего к полюсу летом, в период летнего солнцестояния. Эта территория постоянно освещена на протяжении полугода, а зимой Солнце находится с другой стороны Земли, и поэтому следующие полгода на острове Туле царит полярная ночь.

Некоторые сведения о Туле можно найти у византийского писателя Прокопия Кесарийского²¹. Он пишет, что там ежегодно летом в течение месяца и еще десяти дней солнце висит в небе, освещая остров то с запада, то с востока. А зимой, наоборот, не восходит в течение этого времени. Тогда на острове ведут отсчет дней, ориентируясь по движению других небесных светил – звезд и Луны. Сосчитав месяц и пять дней, старейшины поднимаются в горы и, достигнув вершины, ждут зарю на горизонте. Заметив ее, они возвращаются к соплеменникам с радостной вестью: меньше чем через неделю Солнце снова согреет землю.

Что же еще пишет об острове и его обитателях Прокопий Кесарийский? Он отмечает, что большая часть здешних земель непригодна для жизни, а в пригодной обитает более десятка племен, во главе каждого из которых стоит вождь. Племена отличаются друг от друга. Самое дикое из них – скритифины – живет охотой, не зная земледелия. Скритифины одеваются только в шкуры диких зверей, а новорожденных выкармливают содержимым черепов только что убитой дичи. Другие племена поклоняются богам и демонам небес, моря и земли, богам рек и источников, а также мертвым и героям. Они приносят жертвы, в том числе и человеческие – например, захваченных в бою пленных. Наиболее почитаем у них бог войны, что и не удивительно, ибо в этой местности постоянно шли какие-то стычки между соседними племенами или даже пришельцами из других мест. Так, например, Прокопий Кесарийский рассказывает, что некие эрулы, пройдя сквозь земли данов, погрузили на корабли весь свой скраб, и Северной Атлантикой прибыли на Туле, где и заселили часть острова, заполненную горами и большими лесами, с огромным количеством дичи.

Исследователь В. В. Федотов, анализируя текст Прокопия Кесарийского, сделал вывод, что, возможно, тот опирался не только на текст Пифея в пересказе античных авторов. Со времен Страбона и Плиния могли состояться и новые контакты с Туле.

Где же могла находиться таинственная земля?

Римлянин Солин²² сообщает, что путешествие от Оркнейских островов, которые ныне составляют одну из 32 областей Шотландии, до Туле занимает пять суток. Но беспримерный

¹⁸ Помпоний Мела – римский географ, дата рождения которого неизвестна. Однако труд Помпония Мелы «De situ orbis libri III» написан предположительно около 43 года н. э.

¹⁹ Гемин Родосский – греческий астроном, астролог и математик, живший во второй половине I в. до н. э.

²⁰ Плиний Старший (23–25 августа 79 г. н. э.) – римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории».

²¹ Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 565) – византийский писатель; секретарь полководца Велизария.

²² Гай Юлий Солин (III в. н. э.) – римский писатель, автор популярного произведения «О достойном памяти» («Собрание

поход Пифея не закончился на загадочном острове. Побывав там, он снова вышел в море и еще сутки шел на север, к «замерзшему морю». От Плиния Старшего мы знаем, что это море называли Кроновым. Ряд современных исследователей полагает, что Плиний имел в виду Кронов океан, расположенный, по мнению греков, в потустороннем мире. Другие ученые указывают на то, что по-кельтски «застывшее море» произносится как «muir-sgoínn», а проводниками Пифея вполне могли быть кельты. Следовательно, встает вопрос: что же соответствует действительно-сти: мифологическое объяснение или же возможная ошибка звукопередачи с кельтского языка на греческий, а затем и латынь. Как бы то ни было, здесь, по словам Пифея, заканчивался реальный мир. Дальше находилось некое «морское легкое», по которому нельзя было продвигаться вперед ни вплавь, ни посуху. Что именно имел в виду Пифей, никто не знает. Существует множество объяснений, ни одно из которых нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Например, Пифей мог увидеть медузу гигантских размеров или же скопление этих существ. Возможно, корабль путешественника во время отлива попал на мель, «морскую банку», где вода образует многочисленные каналы, поразительно напоминающие поверхность легкого, и слегка колеблется, как будто бы дышит гигантский организм. А может быть, речь идет о зарослях морских водорослей, паковом льде с вкраплениями ила, глины и песчаников или же вулканической пемзы.

Античный историк Тацит²³ сообщал, что за Оркнейскими островами римские военные моряки видели Туле, но подчинились приказу командования оставаться в водах подле Оркнейских островов. Возможно, римляне видели островок Мейнленд, входящий в состав Шетландских островов. Но по продолжительности дня и ночи, описанных знаменитым массалиотом, Туле больше соответствует Исландия. Кроме того, парусный корабль античной эпохи мог преодолеть расстояние между Шотландией и Исландией за описанное Пифеем время – 6 суток. Версию о том, что Туле и есть Исландия, впервые высказал в 825 году н. э. ирландец Дикиль, который, как и многие образованные люди того времени, был монахом. Уже более тысячи лет эта гипотеза имеет множество приверженцев. Среди них профессор университета Генуи Гастон Брош. Но есть доводы против предположения монаха Дикиля. Во-первых, по современным данным, Исландия до VIII века н. э. была незаселенной, в отличие от земли Туле. Тем не менее есть вероятность того, что остров обезлюдел. Во-вторых, близкое к полюсу расположение Исландии не дало бы возможности разводить там пчел, поскольку пчелы не живут севернее 61 градуса северной широты, в то время как жители Туле якобы добывали дикий мед. Однако мы знаем об этом из очень спорного места в тексте Страбона. На самом деле неизвестно, кого в данном случае подразумевал ученый – тулийцев или северные народы вообще.

Возможно, Туле – это Норвегия? Такая точка зрения тоже существует. Ее сторонником был, например, известный полярник Фритьоф Нансен. Конечно, Норвегия не остров, но еще в XI–XII веках многие образованные люди считали таковым всю Скандинавию. Да и достичь Норвегии, отчалив от северных берегов Шотландии, тоже можно было за шесть дней. К тому же Норвегия как раз находится в тех местах, где еще можно найти пчел, а «морское легкое» – это туманы, создающие иллюзию нереальности и потусторонности у человека, который впервые попал в эти края. Немецкий географ Рихард Хенниг считал, что будучи серьезным ученым, Пифей не стал бы плыть наугад. Спутники Пифея знали, куда держать путь в открытом море и умели общаться с тулийцами – знали местное наречие или же наоборот – тулийцы владели их языком. А значит, у британцев были прочные торговые связи с этой страной. Сторонники норвежской гипотезы считают, что под это описание на нужной нам широте подходит только Центральная Норвегия, где британские металлы могли обменять на драгоценные меха.

достойных упоминания вещей». Этот труд главным образом основан на географических трудах Помпония Мелы и несохранившихся работах Светония.

²³ Публий или Гай Корнелий Тацит (ок. 56–117 н. э.) – древнеримский историк.

Среди критиков норвежской «прописки» Туле был упомянутый выше Гастон Брош. Ссылаясь на Пифея, который писал, что земля Туле располагалась на север от Британских островов, Брош заметил, что к югу от Туле в таком случае должно быть открытое море, в то время как южнее Центральной Норвегии находятся соответственно земли Норвегии Южной, а далее через неширокий пролив – территория современной Дании. Кроме того, невозможно за один день преодолеть не менее тысячи километров, которые отделяют Среднюю Норвегию от границы плавающих льдов в Северном Ледовитом океане.

Более вероятно, что загадочный остров Туле – это Гренландия. В. В. Федотов утверждает, что Гренландия как раз соответствует тому описанию Туле, которое дает Прокопий Кесарийский. Так, ее площадь раз в десять превышает территорию Британии. Продолжительность полярной ночи в Гренландии колеблется, и есть места, где она действительно составляет месяц и десять дней. Двигаясь кратчайшим путем или же попав в мощное морское течение Гольфстрим, вполне возможно преодолеть на античном паруснике расстояние, отделяющее Британию от Гренландии, за шесть дней. (О том, кто же населял остров в древние времена, мы расскажем подробно в главе «Походы викингов».)

Как и всякое таинственное явление, остров Туле оброс легендами. Он входит в бесконечный список «Атлантид», а кроме того, благодаря северному расположению, его образ слился с «арктической прародиной» ариев.

Именно поэтому имя Туле носило загадочное общество Thule Gesellschaft, созданное по образцу масонских лож в Мюнхене в июне 1918 года. Основал его оккультист барон Рудольф фон Зеботтендорф (он же Эрвин Торре, а на самом деле Адам Альфред Рудольф Глауэр). Он привлек в общество двести пятьдесят человек в Мюнхене и еще полторы тысячи по всей Баварии. В списках были университетские преподаватели, юристы, врачи, журналисты, писатели и поэты, армейские офицеры.

Изначально общество Туле создавалось как оккультное, и его доктрины представляли собой развитие идей Елены Блаватской и Гвидо фон Листа. Эта организация занималась изучением и популяризацией древнегерманской культуры, и основной темой ее исследований было происхождение арийской расы. Идеология общества опиралась на концепцию расового превосходства арийцев. Естественно, его члены лелеяли пангерманскую мечту о новом могущественном германском рейхе. Девизом общества Туле были следующие слова: «Gedenke, dass Du ein Deutscher bist. Halte dein Blut rein!» («Помни, что ты немец. Держи свою кровь в чистоте!»).

Подобно другим тайным организациям Германии, общество Туле использовало магические символы, а также практиковало сложные мистические ритуалы. Аппартаменты, которые орден занимал в фешенебельном отеле «Vierjahreszeiten», были украшены эмблемой, изображающей длинный кинжал и колесо свастики. Однако, судя по всему, деятельность общества носила скорее политический, чем оккультный характер.

Известно, что после Веймарской революции 1918 года поклонники арийских древностей стали пятой колонной в армейских подразделениях. Они вели агитационную работу, стараясь привлечь к себе как можно больше противников режима. Помимо солдат, члены общества Туле интересовались представителями рабочего класса и контактировали с основателем Немецкой рабочей партии Антоном Дрекслером.

Орден фон Зеботтендорфа не был мирным. Он запасал оружие и даже создал организацию «Kampfbund Thule» («Военный союз Туле») для борьбы с властями Баварской Советской Республики.

Сам Рудольф фон Зеботтендорф покинул общество Туле после того, как имена нескольких его членов стали известны правительству Баварской Советской Республики и этих «оккультистов» казнили. Он уехал в Швейцарию, а затем в Турцию, а в Германию вернулся только в 1933 году, когда у власти уже был Гитлер. На родине фон Зеботтендорф выпустил книгу «Bevor Hitler kam: Urkundlich aus der Frühzeit der Nationalsozialistischen Bewegung» («До

прихода Гитлера: документы раннего периода национал-социалистического движения»), в которой рассказывал о деятельности ордена в Баварии во время войны и Веймарской революции. Он настаивал на том, что его организация одной из первых поддержала Гитлера в борьбе за власть. В ряды сторонников фюрера кроме самого общества Туле входили Немецкий рабочий союз, основанный членом Туле Карлом Харрером, и Немецкая социалистическая партия во главе с Гансом Георгом Грассингером. Из этих трех организаций, по словам Зеботтендорфа, Гитлер и создал национал-социалистическую рабочую партию. Книга вызвала крайнее недовольство Гитлера и была запрещена. «Барона» арестовали, но ему удалось бежать, и в 1934 году он вернулся в Турцию. В 1942–1945 годах фон Зеботтендорф жил в Стамбуле и, по-видимому, работал на немецкую военную разведку абвер. По одной версии, он покончил с собой в 1945-м, прыгнув в Босфор. Но есть предположение, что на самом деле фон Зеботтендорф умер только в 1950-х годах. Согласно этой гипотезе, он был двойным агентом. Его самоубийство инсценировала турецкая разведка, а мнимый покойник уехал в Египет.

А как же общество Туле, оставшееся без главаря? Некоторые исследователи утверждают, что после прихода Гитлера к власти оно попало в список запрещенных. Однако по другим сведениям, при Гитлере общество функционировало как отдельное подразделение СС и оказалось, что Туле причастно к созданию секретного оружия и летательных аппаратов. Также сторонники этой гипотезы утверждают, что именно члены общества Туле учили Гитлера ораторскому искусству и, более того, поведали фюреру некие магические секреты, которые помогли ему добиться успеха. В любом случае, идеология Третьего рейха использовала разработки общества Туле. Известно также, что после Веймарской революции к организации были причастны будущие нацистские вожди Рудольф Гесс и Альфред Розенберг.

Загадки древнеримских мореходов

При Александре Македонском границы греческого мира расширились до невероятных пределов – его империя простиралась от Фракии и Иллирии на западе до земель нынешних Узбекистана и Афганистана, пограничья современных Индии и Пакистана на востоке. На юге государство включало Древний Египет и часть современной Ливии, а на севере тянулось вдоль южного берега Черного моря к Кавказским горам и далее вдоль южной оконечности Каспийского моря. Но огромная империя распалась после смерти Александра Македонского. А в это время постепенно набирал силы Рим, и во II веке до н. э., после гибели Карфагена, он вышел на первое место среди государств Средиземноморья. Римские корабли захватывали все новые и новые форпосты и контролировали все больше морских торговых путей. Морем возили в Рим зерно из Египта и Северного Причерноморья, кожи из Малой Азии, рабов из Африки и множество других товаров из разных стран. Великолепный флот позволил Цезарю захватить Галлию и высадиться в Британии. Римские легионы на кораблях прибыли в Александрию, чтобы вмешаться в династическую борьбу Птолемеев, и отныне Рим контролировал Египет. Римские суда выходили и в открытый океан – на просторы Атлантики в районе западноафриканского побережья и к северу от Гибралтара. Как же далеко плавали римские суда? В трудах римских историков есть сообщения об островах, затерянных в океане западнее «Геркулесовых Столпов». Но может быть, римляне знали о них от греков или финикийцев?

В 1964 году на одном из Канарских островов, а точнее, на прибрежном мелководье близ островка Грасьоса была обнаружена хорошо сохранившаяся античная амфора. Историкам известно, что такими амфорами (так называемыми амфорами «финикийского» типа) пользовались только на римских военных судах во II–III веках – по-видимому, на Грасьосе побывало одно из них. Следовательно, римские мореплаватели знали о Канарских островах и периодически плавали к ним? Но ведь речь идет о военном, а не торговом корабле. Что же он делал на Канарах, ведь военные корабли вообще гораздо хуже приспособлены к далеким путешествиям,

чем торговые. Может быть, это случайность? Например, судно прибило к незнакомому берегу бурей?

Есть и другие, более загадочные находки. В 1933 году молодой мексиканский археолог Хосе Гарсиа Пайон производил раскопки индейского поселения Калиштлахуака в долине Мехико. Под тремя потревоженными слоями глинобитных полов одного из зданий он обнаружил несколько погребений ацтекского времени. В них были глиняные расписные кувшины и чаши, украшения из раковин и горного хрусталя, золотые пластины, фигурка оцелота, наколенники копий из кремня и обсидиана и еще множество предметов, порадовавших ученого. Но то были обычные, «нормальные» находки, которых следовало ожидать, и вдруг его внимание привлекла совершенно странная статуэтка – терракотовая, изображавшая бородатого человека в конической шапке. Ничего общего с традиционной индейской скульптурой она не имела. «В течение многих лет, – вспоминает Гарсиа Пайон, – головка хранилась у меня, и я иногда показывал ее знакомым как некий курьез». Только через четверть века европейские ученые помогли установить, что статуэтка из Калиштлахуаки – римская и относится к хорошо известному типу, такие делали во II веке нашей эры.

Как же она оказалась в ацтекском захоронении XIII–XV веков? То, что статуэтка пережила столетия, еще можно объяснить: вероятно, ее, как ценную вещь, бережно хранили и передавали из поколения в поколение, пока в конце концов она не оказалась в гробнице знатного ацтека. Но как она попала в Мексику? Может быть, какой-то римский корабль пересек океан и добрался до берегов Америки?

Ученые не сомневаются, что статуэтка подлинная. Более того, этот предмет придает относительную достоверность другим случайным находкам античных вещей в различных районах Мексики. Среди них головка эллинистической статуэтки из Керетаро, обломок позднеимской терракоты из области Уастека и еще одной римской фигурки из Северной Мексики, которая хранится в музее Чикаго.

Походы викингов

*Корабль – жилище скандинава.
Из стихотворения средневекового франкского поэта*

Кто такие викинги?

В наши дни мы называем викингами средневековых мореплавателей, уроженцев тех земель, где находятся современные Норвегия, Дания и Швеция.

Происхождение слова «викинг» – загадка для ученых. Самая ранняя версия связывает его с областью Вика (Viken) в юго-восточной части Норвегии. Якобы когда-то «викинг» означало «человек из Вика», а впоследствии это название распространилось на других скандинавов. Тем не менее, в средние века жителей Вика именовали отнюдь не викингами, а *vikverjar* или *vestfaldingi* (от Вестфолля, исторической провинции в области Вика).

Согласно другой теории, слово «викинг» восходит к древнеанглийскому *wic*. Здесь мы видим тот же корень, что и в латинском слове *vicus*. Так называли торговый пункт, город или укрепленный лагерь. В то же время в Англии XI века викингов называли *аскеманнами* – людьми, плывущими на ясенях (*ascs*), поскольку из ясеня была обшивка их судов.

Если верить шведскому ученому Ф. Аскебергу, существительное «викинг» произошло от глагола *vikja* – «поворачивать», «отклоняться», то есть викинг – это воин или пират, который покинул дом и отправился в поход за добычей. И действительно, викинг из исландских саг – пират.

Еще одна гипотеза, которая имеет много сторонников по сей день, связывает слово «викинг» с *vi'k* (бухта, залив). Но противники этой гипотезы указывают на несоответствие: в заливах и бухтах бывали и мирные купцы, но, в отличие от разбойников, викингами их никто не называл.

В Испании викинги были известны как «мадхус», что означает «языческие чудовища». В Ирландии их звали финнгаллами («светлыми чужеземцами»), если имели в виду норвежцев, или же дубгаллами («темными чужеземцами»), когда речь шла о датчанах. Французы же именовали неустрашимых морских разбойников «людьми с севера» – норсманнами или нортманнами. Но как бы их ни называли, повсюду в Западной Европе викинги заслужили недобрую славу.

Непобедимые драконы и берсерки-оборотни

«Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников – данов, норвегов, готов и свеев; они опустошают грешную землю Англии от одного берега до другого, убивают народ и скот и не щадят ни женщин, ни детей», – так написано в одной из англосаксонских хроник. Несчастья начались на английской земле с 793 года, когда викинги напали на остров Линдисфарне и разграбили монастырь Святого Кутберта.

В 835–865 годах от викингов не было спасения – они опустошали южные и восточные берега Англии. Случалось, к берегу одновременно подходили до 350 датских судов-драккаров. Корнуэлл, Эксетер, Винчестер, Кентербери и даже Лондон страдали от их набегов. Но до 851 года ситуация все же была терпимой – викинги не зимовали в Англии. Поздней осенью, отягощенные добычей, они отправлялись домой.

Надо сказать, что довольно долгое время не решались «свирепые язычники» и отходить далеко от берега – поначалу они пробирались в глубь острова всего километров на пятнадцать. Но храбрые и кровожадные викинги наводили на англичан такой ужас, что те сами давали захватчикам все шансы на успех – казалось, викингам нет смысла сопротивляться. К тому же корабли морских разбойников появлялись на горизонте внезапно и молниеносно достигали берега.

Как же выглядели знаменитые драккары, и почему их так называют? Впервые они упоминаются в «Германии» Тацита. Речь идет о ладьях предков викингов, имевших необычную форму. Есть описание драккаров и у араба Ибн-Фадлана. Изображения знаменитых судов сохранились на гобелене королевы Матильды – супруги Вильгельма Завоевателя. Однако увидеть морское «чудище» живьем удалось лишь в 1862 году, когда проводили раскопки в болотах под Шлезвигом. Нос и корма судна были одинаковыми – эта удивительная конструкция позволяла викингам идти на веслах в любом направлении, не разворачиваясь. Еще несколько кораблей обнаружили чуть позже. Среди них самыми знаменитыми находками считаются драккары из Гокстада (1880) и Усеберга (1904).

Ученые реконструировали скандинавские суда. Они установили, что драккары имели киль, к которому крепились шпангоуты, выполненные из одного дерева. Обшивка драккара выполнялась внакрой. Ее прикрепляли к шпангоутам при помощи штырей, а доски соединяли друг с другом железными гвоздями. Чтобы уплотнить швы между досками, викинги использовали своеобразную прокладку – пропитанный смолой шнур из свиной щетины или коровьего волоса, скрученный в три нитки. В верхней части обшивки средневековые корабельщики делали уключины.

Корабли викингов достигали 30–40 метров в длину и ходили под парусом. Единственный парус – в красную и белую полоску – чаще всего делали из шерсти. Управляли драккаром не с помощью руля. Его заменяло огромное весло. Всего весел было от 60 до 120.

Драккаром судно называлось потому, что его нос украшала резная фигура дракона. Норвежское слово «Drakkar» происходит от древнескандинавских Drage – «дракон» и Каг – «корабль». Разинутая пасть дракона устрашала противников, а когда викинги возвращались домой, они снимали голову чудовища, чтобы не напугать добрых духов своей земли.

Ужас вселяло и «знамя ворона» – треугольный стяг с изображением черной птицы, вызвавшей у врагов вполне понятные ассоциации. В скандинавской мифологии пара воронов, которых звали Хугин и Мунин, почиталась как птицы Одина. Хугин (по-древнеисландски это означает «думающий») и Мунин (с древнеисландского «помнящий») летают по всему миру Мидгарду и сообщают Одину о происходящем. Однако ворон не только мудрая птица, он клюет трупы. Знамя ворона поднимали во время набегов. Под ним, например, сражался доблестный правитель Дании, Англии и Норвегии Кнуд Великий. Если знамя весело трепетало на ветру,

это считалось доброй приметой: значит, победа обеспечена. Независимо от того, что изображалось на флаге, под которым шел драккар, его вышивала лично жена или сестра предводителя викингов.

Суда викингов были очень быстроходными: 1200 км, которые отделяют Англию от Исландии, скандинавы покрывали всего за 9 суток. Искусные мореходы учитывали характер облачности и силу волн, ориентировались по солнцу, луне и звездам, следили за птицами. На побережье они устанавливали маяки, которые Адам Бременский называл «горном вулкана».

Кроме драккаров, викинги строили и торговые корабли. Чем же торговали средневековые скандинавы? Оружием, пушниной, шкурами и кожей, рыбой, китовым усом и моржовой костью, медом и воском, а также, что называется, всякой всячиной: деревянными и костяными гребешками, серебряными копоушками, краской для глаз. И, конечно, рабами. Торговые суда назывались когги, кнарры и шняки. Корпуса коггов были круглыми. Такой тип кораблей знали еще фризы. Во время отлива днища коггов опускались на дно и суда было легко разгрузить, а когда начинался прилив, хитроумные ладьи сами всплывали наверх.

Кнарры были большими торговыми судами, шняки – маленькими и мало чем отличались от военных кораблей. Их бак и квартердек зачастую использовали как боевые площадки – если нападали враги, то «мирные торговцы» принимали бой. Викинги нередко брали в плавание кузнечные инструменты и наковальни – это позволяло чинить оружие в походных условиях.

Настоящие морские сражения викингов бывали весьма масштабны: так, в битве в Хьерунгавоге в Норвегии участвовало 400 кораблей. В бою драккары подходили бортами друг к другу и сцеплялись с помощью абордажных крючьев. Воины дрались на палубах, и битва продолжалась до тех пор, пока большая часть команды одного из кораблей не погибнет: сдаваться в плен было не принято. Драккар побежденных доставался победителям, и такой бой викинги цинично называли «чисткой корабля».

На суше викинги проявляли не меньшую храбрость, чем на море. Их традиционным оружием были меч, секира, лук со стрелами, копье и щит. Что же можно сказать о доспехах средневековых скандинавов? Кинематографический образ викинга – бородатый полуодетый мужик в рогатом шлеме. А как было на самом деле? Викинги носили короткую тунику, облегающие штаны и плащ, который закрепляли фибулой на правом плече – такая одежда не стесняла движений и давала возможность моментально обнажить меч. Обувь – башмаки из мягкой кожи – викинги завязывали на икрах ремнями. Археолог Анника Ларссон из Уппсальского университета, изучая фрагменты тканей, найденных при раскопках древнего города викингов Бирка, сделала удивительное открытие: «Среди одежды викингов часто встречается красный шелк, легкие развевающиеся банты, много блесток, разных украшений», – заявила она. Если верить Ларссон, изначально викинги носили жизнерадостную одежду и пестротой наряда напоминали современных хиппи. По мнению исследовательницы, строгим и аскетичным костюм викингов стал лишь под влиянием христианских миссионеров, которые впервые появились в Швеции в 829 году.

Конечно, скандинавы защищали тело кольчугой. В боевых походах они носили бирни – защитные кольчужные рубахи, сделанные из тысяч переплетенных колец. Но позволить себе такую роскошь мог далеко не каждый. Бирни считались огромной ценностью и даже передавались по наследству. Простые же викинги, идя в бой, надевали кожаные подбитые куртки, в которые зачастую просто вшивались металлические пластины. Руки воинов предохраняли наручи – кожаные или с металлическими пластинами. И удивительно, но факт: викинги не носили рогатых шлемов.

На самом деле шлемы викингов были совсем другими: либо с закругленной верхушкой и щитками для защиты носа и глаз, либо с верхушкой, заостренной в виде гребня. Шлемы с гребнем обычно называют «шлемами вендельского типа». Это наследие вендельской культуры, которая предшествовала эпохе викингов – она датируется 400–600 годами. Многие простые

воины и вовсе носили не металлические, а кожаные шлемы. Накладные планки, щитки, надбровья скандинавов украшали чеканки из бронзы или серебра. Конечно, это были не просто украшения, а магические изображения, защищавшие воина.

Так откуда же взялись пресловутые рога? Изображение рогатого шлема действительно имеется – его обнаружили на Осебергском корабле IX века. Такие шлемы на самом деле относятся к бронзовому веку (1500-500 годы до н. э.). Они служили головными уборами жрецов. Исследователи полагают, что викинги тоже вполне могли использовать их в ритуальных целях, но воевать в рогатом шлеме невозможно – его легко сбить, лишь немного задев при ударе.

Сейчас бытует мнение, что миф о «рогатых» викингах появился во многом благодаря католической церкви. Поскольку викинги долго сопротивлялись принятию христианства и вдобавок часто нападали на церкви и монастыри, христиане их ненавидели, считали «дьявольским отродьем», и, вполне естественно, увенчали их головы рогами. Эта идеологически обоснованная ложь и утвердилась потом в общественном сознании.

Щиты викинги, как правило, делали из дерева. Обычно их красили в яркие цвета – чаще всего в красный, который символизировал власть (или кровь?). Конечно, и здесь не обошлось без магии – различные узоры и рисунки на щитах должны были уберечь воина от поражения. Щиты носили на спине. Когда начинался бой, викинги закрывались щитами, выстраивая непробиваемую стену. А поднятые вверх щиты считались знаком мира.

К оружию и доспехам викинги относились как к живым существам, давая им прозвища, зачастую не менее славные и известные, чем имена их обладателей. Так, например, кольчуга могла зваться Одеждой Одина, шлем – Вепрем Войны, топор – Грызущим Рану Волком, копье – Жалящей Гадюкой, а меч мог носить имя Пламя Битвы или Рвущий Кольчуги.

Но не только мечи, копья и луки даровали бесстрашным викингам многочисленные победы. Скальды – скандинавские поэты и певцы – повествовали о тех, кого «не кусала сталь». Речь идет о берсерках. Из дошедших до нас источников самый ранний – это песня Торбьерна Хорнклови о победе Харальда Прекрасноволосого в битве при Хафсфьорде, которая предположительно произошла в 872 году. «Берсерки, – говорится в ней, – облаченные в медвежьи шкуры, рычали, потрясали мечами, кусали в ярости край своего щита и бросались на своих врагов. Они были одержимы и не чувствовали боли, даже если их поражало копье. Когда битва была выиграна, воины падали без сил и погружались в глубокий сон».

Слово «берсерк» происходит от старонорвежского *berserkr* и переводится как «медвежья шкура» (корень *ber* – означает «медведь», в то время как *-serkr* – это «шкура»). Согласно поверьям, во время сражения берсерки сами превращались в медведей.

Именно берсерки составляли передовой отряд, который начинал бой. Одним своим видом они наводили ужас на врагов. Но долго сражаться они не могли – боевой транс проходил быстро, поэтому, смяв ряды врагов и заложив основу общей победы, они покидали поле брани, предоставив обычным бойцам завершить разгром противника.

Берсерки были воинами, посвятившими себя Одину – верховному богу скандинавов, к которому отправляются души героев, павших в бою. Согласно верованиям, они попадали в Вальгаллу – загробное жилище убитых воинов. Там покойные пируют, пьют неиссякающее медовое молоко козы Хейдрун и едят неиссякающее мясо вепря Сэхримнира. Вместо огня Вальгалла освещается блестящими мечами, а павшим воинам и Одину прислуживают девы-воительницы – валькирии. Один – покровитель берсерков – и помогал берсеркам в бою. Скальд (он же историограф) Снорри Стурлусон в «Круге земном» пишет: «Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глохли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки, а его люди шли в бой без доспехов и были словно бешеные собаки и волки, кусали щиты и сравнивались силой с медведями и быками. Они убивали людей, и их было не взять ни огнем, ни железом. Это называется впасть в ярость берсерка».

Современные ученые не сомневаются в реальности берсерков, но вопрос о том, как же они достигали экстаза, и сегодня остается открытым. Одни исследователи полагают, что берсерками становились люди с подвижной психикой, невротики или психопаты, которые во время сражений приходили в крайнее возбуждение. Оно-то и позволяло берсеркам проявлять качества, не свойственные человеку в обычном состоянии: обостренную реакцию, расширенное периферическое зрение, нечувствительность к боли. Сражаясь, берсерк шестым чувством угадывал летящие в него стрелы и копья, предвидел, откуда последуют удары мечей и топоров, а следовательно, мог прикрыться щитом или уклониться. Возможно, берсерки были представителями особой касты профессиональных воинов, которых готовили к боям с детских лет, посвящая не только в тонкости воинского мастерства, но и обучая искусству входить в транс, который обострял все чувства и активизировал скрытые возможности организма. Однако многие исследователи предполагают, что экстаз берсерков имел более прозаические причины. Они могли пользоваться какими-то психотропными средствами – например, отваром из ядовитых грибов. У многих народов известно «оборотничество», наступавшее в результате болезни или приема специальных препаратов – человек отождествлял себя со зверем и даже копировал некоторые черты его поведения.

Скандинавских оборотней боялись даже их товарищи. Сыновья датского конунга Кнуда – берсерки – даже плавали на отдельном драккаре, так как другие викинги опасались их. Эти уникальные воины могли пригодиться только в бою, а к мирной жизни они приспособлены не были. Берсерки представляли опасность для общества, и как только скандинавы стали переходить к более спокойной жизни, берсерки оказались не у дел. И поэтому с конца XI века саги называют берсерков не героями, а грабителями и злодеями, которым объявлена война. В начале XII века в скандинавских странах даже существовали особые законы, направленные на борьбу с берсерками. Их изгоняли или убивали без жалости. Суеверный страх побуждал убивать берсерков почти как вампиров – деревянными кольями, поскольку для железа они неуязвимы. Немногие из воинов Одина приспособились к новой жизни. Им полагалось принять христианство – считалось, что вера в нового Бога избавит их от боевого безумия. Часть бывшей воинской элиты даже бежала в чужие края.

Но в IX–XI веках, когда викинги на быстроходных драккарах наводили ужас на народы Европы, берсерки еще были в чести. Казалось, что перед ними не может устоять никто. Крупные города, городки и деревни скандинавы опустошали в считанные дни. Ни одной приморской стране не было пощады от «свирепых язычников». В 30–50 годы IX века норвежцы напали на Ирландию. Согласно древним ирландским хроникам, в 832 году Тургейс захватил сначала Ольстер, а потом чуть ли не всю Ирландию и стал ее королем. В 845 году ирландцам наконец удалось избавиться от ненавистного правителя – Тургейс был убит. И тем не менее Ирландия осталась добычей норвежцев. Викинги сражались за нее между собой – данам остров тоже казался лакомым кусочком. В какой-то момент данам удалось договориться с ирландцами, но в 853 году норвежец Олав Белый захватил Дублин и создал на этих землях собственное государство, которое существовало более двухсот лет. Так Дублин стал плацдармом, с которого норвежцы продвигались дальше, в западные области Англии.

Но даны решили взять реванш и осенью 865 года, если верить сагам, высадились на восточном побережье Англии. Отважных викингов вели Ивар Бескостный и Хальвдан – сыновья легендарного Рагнара Лодброка, а отца этого отпрыска рода Инглингов звали в свою очередь Сигурдом Кольцом. Время не сохранило достоверных сведений о том, действительно ли жил на земле такой человек, но саги рассказывают о том, что свое прозвище (Рагнар Волосатые Штаны) знаменитый военный вождь получил благодаря экзотическому амулету – штанам, которые собственноручно сшила его жена. Есть и другая легендарная версия: в детстве он упал в змеиное логово, но остался цел благодаря тому, что змеи не прокусили надетые на него кожаные «брюки». Однако змеи все-таки погубили конунга: в 865 году он во главе со своим войском

вторгся в Нортумбрию, но король Элла II победил его и бросил в змеиный колодец. Сыновья Рагнара отомстили за отца: 21 марта 867 года датские воины в битве одолели англичан, король Элла II попал в плен и был предан мучительной казни. Ему рассекли ребра на спине, развели их в стороны наподобие крыльев и вытащили наружу легкие. Большинство историков ставит эту жуткую историю под сомнение: скорее всего, такой казни не существовало – так выглядело ритуальное глумление над трупами врагов. Но как бы там ни было, Западная Англия оказалась под властью норвежских викингов, а Восточная – датских.

Датчане продержались до 871 года, пока к власти не пришел Альфред Великий – первый из королей Уэссекса, который использовал в официальных документах титул «король Англии». Все гениальное просто: после долгих лет безуспешной борьбы с викингами Альфред понял, что скандинавы предпочитают морские сражения, и повелел отстроить крепости. В 878 году он выиграл крупное сражение на суше и изгнал чужеземцев из Уэссекса. Вождь датчан Гутрум был крещен. Однако захватчики остались на землях Англии, и к концу IX века на карте существовала «Область датского права» – Денло. Лишь в X столетии она покорила власть английских королей. Но в 1013 году в правление Этельреда Нерешительного, чье имя говорит само за себя, в Англию вторглось войско датчанина Свейна Вилобородого (Норвегия к этому времени уже была под властью данов). Вилобородым Свейна называли отнюдь не из-за формы бороды: напоминали вилы его усы. Свейн быстро захватил английские города и селения, и лишь у стен Лондона датчане понесли тяжелые потери. Но и Лондон в конце концов капитулировал: викинги окружили его, Этельред сбежал в Нормандию, и национальное собрание – витенагемот – провозгласило Свейна королем. Всего через 5 недель он умер, и власть наследовал его сын Кнут, который сумел удержать страну в повиновении. Однако в 1036 году после смерти Кнута трон достался внуку Свейна. Новый король – Хардакнут вызвал всеобщее неодобрение своей непомерной жадностью. Он обложил англосаксов такими податями, что вынудил многих бежать в леса. Отношения побежденных и победителей накалились до предела, но в 1042 году во время пира по случаю женитьбы знаменосца Хардакнут поднял кубок за здоровье новобрачных, сделал глоток и упал замертво. Англосаксы были спасены, и власть вернулась к старой англосаксонской династии: королем стал сын Этельреда Нерешительного Эдуард Исповедник. А в 1066 году Англию захватит Вильгельм Завоеватель – потомок датчанина Хрольва Пешехода, основавшего герцогство Нормандия во Франции, на земли которой скандинавы впервые попали в IX веке, еще в правление Карла Великого. «Предвижу, сколько зла наделают эти люди моим преемникам и их подданным», – сказал могущественный император – и не ошибся. После его смерти государство распалось и правители погрязли в междоусобицах. Противостоять «драконам» уже никто не мог, и викинги вошли в Сену и Луару. Они разорили Руан, ограбили знаменитые монастыри, убили монахов, а простых людей, попавших в плен, обратили в рабов.

Французские хроники повествуют, что около 850 года викинги во главе с Хастингсом подошли к стенам Нанта. Они покорили его и предали огню. Вблизи павшего Нанта победители разбили лагерь и оттуда совершали набеги на города и монастыри по всей Франции. Лишь ненадолго викинги уплыли в Испанию, но, потерпев там фиаско, вернулись обратно и напали на Париж. Они разграбили город, а король Карл Лысый бежал в монастырь Сен-Дени. Скандинавы не знали пощады, но им мешал непривычный климат Франции. Захватчиков сразили жара и фрукты, которые они по неведению ели зелеными. Измученные викинги потребовали, чтобы король выплатил им дань и, получив немалую сумму серебром, наконец убралась вон. Но ненадолго...

Вскоре в Северную Францию явился изгнанный из Норвегии Хрольв Пешеход, или Роллон, сын Рогнвальда. На берегу моря Хрольв поклялся, что он умрет или станет властелином любой земли, которую сможет завоевать. Он сражался храбро и в 912 году по договору в Сент-Клере французский король Карл Простоватый уступил ему часть Нейстрии, между рекой Эпт и

морем. Так появилось герцогство Нормандия, то есть страна норманнов. Решительный Хрольв был все же слабее Карла, и тот поставил ему условие: признать себя вассалом короля и принять христианство. Хрольв крестился и получил бонус – руку дочери Карла Гизелы. Потом викинг взял в жены Поупу, дочь другого короля – Эда, которому наследовал Карл Простоватый. Она стала его второй женой – после смерти Гизелы. Хрольв раздавал земли своим соратникам, число которых росло, поскольку с севера прибывали все новые и новые отряды. Многие норманны принимали христианство по примеру своего правителя. Потомки викингов быстро усвоили французский язык, но кровь воинственных предков еще долго давала о себе знать – об этом свидетельствует история средневековой Европы.

Уже в IX веке Франция стала плацдармом, с которого викингам удобно было продвигаться дальше на юг. Около 860 года под предводительством Хастингса они пытались завоевать Рим. Однако до Вечного города викинги не добрались, приняв за него Лункс. Жители Лункса были прекрасно вооружены, а сам город укреплен. Увидев, что взять крепость силой тяжело, Хастингс пошел на хитрость. Он отправил в Лункс посла, которому приказал обмануть епископа и графа – владельца замка: дескать, его повелитель умирает и просит горожан продать чужестранцам еду и пиво. А главное, он хочет стать перед смертью христианином. Коварного Хастингса действительно принесли на щите в городскую церковь, где епископ крестил его. На следующий день в город вновь прибыли послы: теперь они просили похоронить Хастингса в церковной земле и сулили за это богатые дары.

Доверчивый епископ дал согласие и погубил Лункс: мнимого покойника сопровождали все викинги – должны же они проститься со своим вождем! Тот возлежал на носилках в полном боевом вооружении, но и это не смутило епископа – ведь при жизни Хастингс был воином. Похоронная процессия в сопровождении первых лиц города направилась в храм, где епископ отпел авантюриста. Когда «тело» стали опускать в могилу, Хастингс вскочил с носилок. «Хладный труп» зарубил и епископа, и графа. Викинги захватили Лункс. Но ведь Хастингс хотел покорить Рим! Корабли, груженные добычей, снова отправились в путь, однако в Рим викинги так и не попали – их остановила сильная буря. Спасая свою жизнь, разбойники бросали за борт награбленное. Даже рабынь они сочли балластом, и красавиц поглотила морская пучина.

Поход Хастингса окончился бесславно, но через двести лет скандинавы уже хозяйничали в Италии. Сначала в 1016 году небольшой отряд норманнов-пилигримов, возвращавшихся из Святой земли, помог князю Салернскому победить сарацинов. Итальянцы подивились храбрости викингов и стали приглашать их к себе на службу. Скандинавы «вписались» в итальянский пейзаж и даже основали маленькое норманнское владение. А в 1046 году на Апеннинский полуостров прибыл норманн Роберт Гюискар. Со старофранцузского прозвище Роберта переводится как Хитрый или Лукавый. «Его прозвали Гюискар, ибо в лукавстве не могли сравниться с ним ни мудрый Цицерон, ни хитрый Улисс», – писал о Роберте его биограф, хронист норманнов Вильгельм из Апулии. Шестой сын Танкреда Готвильского, он последовал в Италию за своими старшими братьями. В 1050–1053 годах Роберт пребывал в Калабрии, где норманны воевали с византийцами и, кроме того, под командованием Хитрого грабили монастыри и мирных обывателей. Соплеменники уважали Роберта и после смерти его брата Гумфреда, обойдя законного наследника – сына Гумфреда, провозгласили Гюискара графом Апулии. Более того, за ежегодную дань и обещание помощи Папа Николай II признал Роберта герцогом. Папа утвердил за ним как за вассалом святого престола власть над странами Южной Италии, которые он уже покорил и которые в будущем еще покорит. Гюискар завоевал всю Апулию и Калабрию, а в 1071 году пал Бари – последнее убежище византийского владычества. Брат Роберта тем временем отнял Сицилию у сарацин. Могущество Роберта пугало нового Папу – Григория VII. В 1074 году он отлучил Гюискара от церкви, но в 1080-м помирился с ним в поисках защиты от императора Генриха IV. Сняв с него отлучение, Папа отдал Роберту в лен все его владения, в том числе вновь занятые им Салерно и Амальфи. В 1081 году нестягае-

мый Роберт отправился в поход против Византийской империи. Он победил Алексея Комнина при Дураццо и дошел до Салоник. Папе он отплатил добром: в 1084 году Роберт взял Рим, разграбил его и освободил Григория VII, которого император Генрих IV заключил в замок Святого Ангела. Вместе с Папой Гюискар удалился в Салерно и снова начал войну с Византийской империей. Роберт разбил соединенный византийско-венецианский флот при Корфу и отправился в Ионическое море, но умер на острове Кефалении. Владения Гюискара разделили между собой его сыновья: Богемунд получил Тарент, а тезка отца Роберт – Апулию. В 1127 году Апулия объединилась с Сицилией и норманнская династия правила Сицилийским королевством до 90-х годов XII века. Да и в жилах сменившей ее династии Гогенштауфенов тоже текла норманнская кровь.

Потомками скандинавов – варягов – считали себя и Рюриковичи. Но вопрос о том, кто такие варяги, до сих пор открыт.

Князья земли русской?

Первые упоминания о варанках, верингах или варангах (слова, созвучные русскому «варяг») относятся к XI веку. Так около 1029 года знаменитый ученый из Хорезма Аль-Бируни писал: «От океана отделяется большой залив на севере у саклабов²⁴ и простирается близко к земле болгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу». В исландских сагах встречается слово *vaeringjar* – так называли скандинавских воинов, которые служили византийскому императору. Как мы помним, викинги воевали с Византийской империей, но потрясающая сила и храбрость служила им великолепной рекламой, и те же византийцы охотно нанимали воинов-северян. О «варангах» пишет и византийский хронист второй половины XI века Скилица: в 1034 году их отряд сражался в Малой Азии.

В правовом кодексе Руси – «Русской правде», относящейся ко времени правления Ярослава Мудрого (1019–1054), определен статус неких «варягов». Современные исследователи чаще всего отождествляют их со скандинавскими викингами. Однако есть и другие версии этнической принадлежности варягов: они могли быть финнами, немцами-пруссками, балтийскими славянами или выходцами из Южного Приильмения. Ученые не имеют единого мнения как о происхождении самих варягов, так и их названия. Но самое больное место – легендарное призвание варяжских князей на Русь.

Существует так называемая «норманнская теория», сторонники которой считают скандинавов основателями первых государств восточных славян – Новгородской, а затем Киевской Руси. Они ссылаются на летописи, где говорится, что племена восточных славян (кривичи и ильменские словене) и финно-угров (весь и чудь) решили прекратить междоусобицы и в 862 году обратились к неким варягам-руси с предложением занять княжеский престол. Откуда именно призвали варягов, в летописях прямо не говорится, но известно, что они пришли «из-за моря», и «путь к варягам» лежал по Двине. Вот отрывок из «Повести временных лет»: «И сказали себе словене: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти».

Из летописей известно, какие имена носили варяги-русь. Конечно, имена эти записаны так, как их произносили восточные славяне, но все же большинство ученых считают, что они имеют германское происхождение: Рюрик, Аскольд, Дир, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид и другие. В свою очередь имена князя Игоря и его жены Ольги близки по звучанию к скандинавским Ингор и Хелга. А первые имена со славянскими или иными корнями встречаются лишь в списке договора 944 года.

Византийский император Константин Багрянородный²⁵ – один из самых образованных людей своего времени, автор нескольких сочинений – сообщает, что славяне являются данниками росов и, кроме того, приводит названия днепровских порогов на двух языках: русском и славянском. Русские названия пяти порогов имеют скандинавское происхождение, по крайней мере, по мнению норманистов.

Шведами называют руссов Вертинские анналы – летописный свод Сен-Бертенского монастыря на севере Франции, относящийся к IX веку.

Очень любопытно свидетельство Ибн-Фадлана – одного из немногих арабов, побывавших в Восточной Европе. В 921–922 годах он был секретарем посольства аббасидского халифа ал-Муктадира в Волжскую Булгарию. В своем отчете «Рисале», оформленном в виде путе-

²⁴ То есть славян.

²⁵ *Константин VII Багрянородный* (905–959) – византийский император из Македонской династии, правивший номинально с 913-го, а фактически с 945 года.

вых заметок, Ибн-Фадлан подробно описал обряд погребения знатного руса, очень похожий на скандинавский. Покойного сожгли в погребальной ладье, а затем возвели курган. Подобные захоронения действительно обнаружены под Ладогой и в Гнездово. Похоронные обычаи, безусловно, наименее подвержены изменениям. В любой культуре к ним относятся гораздо более серьезно, чем к другим, поскольку речь идет о ритуалах, которые обеспечивают усопшему благополучие на том свете, и в случае каких-либо экспериментов нет никакой возможности проверить, хорошо ли ему там.

Надо сказать, что подавляющее большинство арабских источников свидетельствует, что славяне и русы – народы разные. (Этот вопрос мы подробно рассмотрим в главе «Тайны арабских путешественников».)

Казалось бы, все понятно: русь-русы-росы не славяне, а скандинавы. Но с помощью средневековых источников можно доказать и обратное. Так, например, в той же «Повести временных лет» есть фрагмент, который противоречит тому, что мы привели выше: «... из тех же славян – и мы, русь... А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской».

Еще один памятник IX века – «Житие Кирилла», написанное в Паннонии (Подунавье), повествует о том, как Кирилл приобрел в Корсуне «Евангелие» и «Псалтырь», написанные «русскими письменами», понять которые ему помог русин. Под «русскими письменами» здесь подразумевается одна из славянских азбук – глаголица.

Как мы видим, что средневековые источники не дают однозначного ответа на вопрос, какова же этническая принадлежность людей, которых призвали на княжение в 862 году. Но если даже и так, почему же эта проблема волнует умы уже более двухсот лет. Дело тут не только в том, что ученые жаждут узнать истину: норманнская теория имеет идеологическое значение. Сформулировал ее в XVIII веке немецкий историк в Российской академии наук – З. Байер и его последователи Г. Миллер и А. Л. Шлецер. Конечно, русские тут же увидели в ней намек на отсталость славян и их неспособность образовать государство. Против немецкой «инсинуации» выступил М. В. Ломоносов: он полагал, что Рюрик был родом из полабских славян. Нашелся другой ученый, который попробовал примирить русскую и немецкую точки зрения – В. Н. Татищев. Основываясь на Иоакимовской летописи, он утверждал, что варяг Рюрик происходил от норманнского князя, правящего в Финляндии, и дочери славянского старейшины Гостомысла. Однако позже норманнскую теорию принял автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, а вслед за ним другие русские историки XIX века. «Слово Vaere, Vara есть древнее готфское, – писал Карамзин, – и значит союз: толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и Грецию искать счастья, могли именовать себя варягами в смысле союзников или товарищей». Но Карамзину противоречил писатель и ученый С. А. Гedeонов. Он считал, что русы были балтийскими славянами, а название «варяги» произошло от слова *warang* (меч, мечник, защитник), которое исследователь нашел в балтийско-славянском словаре древанского наречия.

Противником норманнской теории был также известный историк Д. И. Иловайский. Он считал летописный рассказ о призвании варягов легендарным, а имена князей и дружинников, так же как и названия днепровских порогов, скорее славянскими, чем скандинавскими. Иловайский предполагал, что племя русь имело южное происхождение и отождествлял русь с роксоланами, которых ошибочно считал славянами (современная наука говорит о сарматском происхождении роксолан).

В Советском Союзе к норманнской теории относились с подозрением. Основным аргументом против нее служила убежденность Энгельса в том, что «государство не может быть навязано извне». Поэтому советские историки должны были изо всех сил доказывать, что племя «русь» – славянское. Вот выдержка из публичной лекции доктора исторических наук Мавродина, которую тот читал во времена Сталина: «... тысячелетней давности предание о

„призвании варягов“ Рюрика, Синеуса и Трувора „из-за моря“, которое давным-давно следовало сдать в архив вместе с преданием об Адаме, Еве и змие-искусителе, Всемирном потопе, Ное и его сыновьях, возрождается зарубежными буржуазными историками для того, чтобы послужить орудием в борьбе реакционных кругов с нашим мировоззрением, нашей идеологией...»

Тем не менее далеко не все советские ученые – антинорманисты не верили в то, о чем писали. В это время появилось несколько довольно интересных гипотез, авторов которых никак нельзя назвать конъюнктурщиками, карьеристами или же просто трусами. Так, например, академик Б. А. Рыбаков отождествлял русов и славян, помещая первое древнеславянское государство, предшествовавшее Киевской Руси, в лесостепь Среднего Поднепровья.

В 1960-е годы ученые, которые были в душе норманистами, изобрели уловку: они считали, что призванные князья были скандинавами, но в то же время признавали, что и до Рюрика существовало некое славянское протогосударство во главе с русью. Предметом дискуссии стало местонахождение этого протогосударства, которое получило условное название «Русский каганат». Так востоковед А. П. Новосельцев считал, что оно располагалось на севере, а археологи М. И. Артамонов и В. В. Седов помещали каганат на юге, в районе от Среднего Поднепровья до Дона. Норманизм в 1980-е годы вновь стал популярным, но следует заметить, что многие ученые придерживались его именно из соображений моды, а в моде тогда было научное диссидентство.

В наше время вопрос о норманнах на Руси остается открытым. Запреты сняты, и ученые спорят от всей души, но не стоит забывать о том, что норманнская теория была и остается лакомым кусочком для идеологов от науки. В качестве примера любопытной версии, высказанной не «идейным», а действительно грамотным исследователем, можно привести теорию профессора кафедры истории России Московского педагогического государственного университета А. Г. Кузьмина: «„Русы“ – это славянизированные, но изначально неславянские племена, причем разного происхождения. При этом разные в этническом отношении „русы“ участвовали в образовании Древнерусского государства в качестве господствующего слоя.

Известно, что в древних источниках само название народа с именем „русь“ было различно – руги, роги, рутены, руйи, руяны, раны, рены, русь, русы, росы, росомоны, роксоланы. Оказалось, что и значение слова „русь“ неоднозначно. В одном случае это слово переводят как „красный“, „рыжий“ (из кельтских языков). В другом случае – как „светлый“ (из иранских языков).

В то же время слово „рус“ очень древнее и существовало у разных индоевропейских народов, обозначая, как правило, господствующее племя или род. В раннем средневековье сохранилось три не связанных между собой народа, носившие имя „рус“. Средневековые арабские авторы знают их как „три вида русов“. Первые – это руги, происходившие от северных иллирийцев. Вторые – это рутены, возможно, кельтское племя. Третьи – это „русы-тюрки“, сармато-аланы Русского каганата в степях Подонья».

Что же мы можем сказать в итоге? Кем были загадочные варяги-русь, о которых рассказывает «Повесть временных лет»? На самом деле никто не знает. Норманнская теория в наши дни скорее напоминает религию: можно верить, что Русское государство было основано скандинавами, а можно и не верить.

Неизведанные земли

Итак, викинги хозяйничали в Европе, и если Западную они покорили силой оружия, то в Европе Восточной скандинавы пролили гораздо меньше крови (правда, есть и печальные страницы истории, как, например, вторжение шведов в земли куршей, о котором говорится в житии Ансгара). На востоке викингов скорее интересовали речные торговые пути: в IX веке они освоили Волгу и наладили отношения с хазарами, в X веке – Днепр, и теперь их главным торговым партнером стала могущественная Византийская империя. В X–XI веках скандинавы вышли даже к Каспию. Где только ни побывали драконы морей! И не только чужие земли манили отважных воинов и торговцев. Интересовались они и землями «ничейными». Так около 860 года викинги открыли Исландию: независимо друг от друга у ее берегов побывали норвежец Наддод и швед Гардар Сваварссон. Поскольку в родных краях скандинавам было тесно, другой норвежец по имени Равен Флоки направил туда свои стопы, чтобы основать колонию. Остров оказался неприветливым: «Ледяная земля», как называли ее переселенцы. С трудом пережив суровую зиму, колонисты все же дождались теплой погоды. Леса, богатые дичью и живописные фьорды пришлись им по душе. Викинги потянулись в Исландию, и к 70-м годам X века там было около 50 тысяч колонистов.

Исландия – не единственный «необитаемый остров», который обнаружили скандинавы. Путешественники поневоле, они выходили в море снова и снова, даже не предполагая, что обретут бессмертную славу.

Кто открыл Гренландию?

На рубеже XV–XVI веков португальские мореходы братья Мигель и Гашпар Кортириалы на трех каравеллах отправились на поиски северо-западного пути в Азию. В один из дней они наткнулись на остров, лежащий на «пересечении» Северного Ледовитого и Атлантического океанов. Так европейцы открыли Гренландию... второй раз. А в 1721 году началась колонизация этого экзотического кусочка суши. Скандинавы, правда, на сей раз датчане, вновь осваивали земли, которые задолго до них открыли викинги. Кому же принадлежит слава первооткрывателя самого большого острова в мире?

Если верить сагам, это был норвежец Гунбьерн. Где-то между 870-ми и 920-ми годами он плыл в Исландию, но буря отбросила его на запад к небольшим островам у 65°30' с. ш. 36° з. д. За ними была высокая, покрытая снегом и льдом земля, к которой моряки не смогли подойти из-за тяжелых льдов. Сегодня высшая точка Арктики, которая расположена в Гренландии, названа в честь храброго морехода горой Гунбьерн.

Около 980 года группа исландцев, плывя на запад, зимовала на шхерах²⁶, которые приняла за острова, открытые Гунбьерном. Вернувшись на родину, исландцы тоже рассказывали о большой земле за шхерами. А летом 982 года у здешних берегов уже маячила огненная шеvellюра Эрика Торвальдсона, который вошел в историю под прозвищем Эрик Рыжий.

Эрик родился в Норвегии, но его отца – Торвальда – вместе с семьей изгнали оттуда за убийство. Так Эрик очутился в Исландии, но и оттуда ему пришлось убраться восвояси: на этот раз за два убийства изгнали его самого. Если верить источникам, гнев Эрика был справедлив: одной из жертв пал его сосед, не вернувший лодку, которую взял в долг. Второе преступление Эрик совершил из мести – он покарал викинга, убившего его рабов. Однако даже жестокие законы того времени самосуд не одобряли, и теперь рыжему буяну предстояло три года провести на чужбине. Эрик не унывал: он решил добраться до загадочной земли, которая

²⁶ Шхеры – небольшие, преимущественно скалистые острова близ невысоких берегов морей.

в ясную погоду была видна с горных вершин западной Исландии. Эрик решил попытать счастья: он купил корабль, собрал ватагу друзей и ринулся навстречу приключениям. Он взял с собой семью и слуг. Даже свой скот Эрик погрузил на корабль. Остров, большая часть которого сегодня покрыта льдом, как ни странно, показался викингам пригодным для жизни. Толщина ледяного покрова достигает в некоторых местах трех километров, и поэтому только самые неприхотливые растения и животные способны выжить на границе земли и льда. Лета в здешних краях практически нет – оно заканчивается, так и не успев начаться, да и летние дни в Гренландии ненамного теплее зимних. Почему же этот остров так понравился Эрику и его спутникам? Почему же он получил столь абсурдное название – «Зеленая земля»? Дело в том, что в конце X века климат Гренландии был гораздо мягче, чем в наши дни, и, обогнув южную оконечность острова, моряки высадились около Юлианехоб (Какорток), где вблизи фьордов зеленела трава и воздух был напоен ароматами цветов. Есть, правда, и другая версия: некоторые исследователи считают, что название «Гренландия» было в первую очередь рекламой – Эрик хотел привлечь сюда как можно больше поселенцев. Однако имя, которое этим землям дал Эрик, изначально относилось лишь к приветливым уголкам юго-западного побережья и распространилось на весь остров лишь в XV веке.

За те три года, которые Эрик должен был провести в Гренландии безвылазно, – таков был срок его изгнания, – поселенцы обработали достаточно земли, чтобы прокормить себя, и развели скот. Они охотились на моржей, заготавливали жир, моржовую кость и бивни нарвалов.

Однажды, как повествует сказание, Эрик забрался на одну из прибрежных вершин и увидел на западе высокие горы. Современные исследователи предполагают, что это была Баффинова Земля: в ясный день ее можно увидеть за Девисовым проливом. Как считает канадский писатель Ф. Моуэт, Эрик был первым, кто пересек пролив и доплыл до Камберленда. Он исследовал все гористое восточное побережье этого полуострова и зашел в залив Камберленд.

Летом 983 года Эрик прошел от Северного полярного круга на север, открыл залив Диско, остров Диско, полуострова Нугссуак, Свартенхук, а, возможно, добрался и до залива Мелвилла, у 76° северной широты. Он изучил еще 1200 км западного побережья Гренландии. Викинга восхитило обилие животных и птиц, на которых можно охотиться: белых медведей, песцов, северных оленей, китов, нарвалов, моржей, гаг и кречетов. А ведь были еще и разные породы рыбы.

После двухлетних поисков Эрик присмотрел несколько мест – равнинных, но хорошо защищенных от холодных ветров. В 985 году он вернулся в Исландию, но не для того, чтобы остаться там навсегда, а чтобы завербовать будущих колонистов. Желающих нашлось много – около 700 человек. Они вышли в море на 25 кораблях, но началась буря, и 11 из них пошли ко дну. До Гренландии добрались лишь 400 храбрецов. Они основали на южном побережье острова так называемое Восточное поселение. В течение десяти лет появилось еще одно поселение – Западное. Его построили новые колонисты, которые приплыли позже.

Конечно, переселенцам приходилось нелегко: уж очень суровы были зимы. Тем не менее колония викингов в Гренландии процветала. Как говорят археологи, число колонистов неуклонно росло и достигло в конце концов пика – три тысячи человек.

Поселения викингов тянулись вдоль фьордов. Построить дом на острове было не так просто – здесь не росли большие деревья. Приходилось довольствоваться плавником или дерном. Ученые подсчитали, что на постройку одного из больших зданий пошло около квадратного километра дерна – сколько же труда вложили викинги, пока сдирали его! Были и каменные строения. Чтобы здание сохраняло тепло, стены делали очень толстыми – иногда больше двух метров.

Поскольку лето было очень коротким, зерновые росли плохо, а ведь в традиционном рационе викингов были хлеб и каша. Добавляли зерно и в похлебки – рыбные и мясные. Мясо

домашних животных – коз, овец и коров ценилось очень высоко. Скот забивали крайне редко, довольствуясь молоком. Поселенцы ловили сетями рыбу, охотились на тюленей и оленей.

В XIV столетии в Гренландии началось похолодание. Ледники напоздали на земли викингов, постепенно лишая их пастбищ. Торговля со Скандинавией, приносящая колонистам немалый доход, пришла в упадок – в Норвегии и Исландии свирепствовала чума. Пришлось приспосабливаться к новым условиям: ученые утверждают, что викингов спасло море, а именно морепродукты. Их доля в рационе составляла теперь более 80 %.

Около 1350 года куда-то исчезли все жители Западного поселения – около 1000 человек. Об этом стало известно, поскольку священник из Восточного поселения, придя к соседям, не обнаружил никого. Только одичавший домашний скот бродил между пустыми домами. Не видел он и мертвецов – как будто викинги внезапно испарились. Разгадки нет до сих пор. Напади на поселение пираты, остались бы тела погибших. То же было бы, доберись до колонистов чума. Переселиться куда-то люди не могли: никто не бросил бы свои пожитки и животных.

Восточное поселение дожило до начала XVI века. Но в 1540 году исландские мореходы, приставшие к берегам Гренландии, не нашли ни одного колониста. Они обнаружили лишь тело мужчины в плаще с капюшоном. Кто был этот человек? И куда делись остальные? Историки полагают, что люди уплыли назад в Исландию – ведь климат стал значительно холоднее, и возможностей заниматься земледелием и скотоводством больше не было. Если верить преданиям эскимосов, на жителей Восточного поселения напали пираты. Археологические раскопки в Гренландии эту версию не подтверждают, но любопытно, почему же эскимосов так интересовала судьба викингов?

Поначалу остров показался викингам необитаемым. Но так ли это было? Дело в том, что первыми Гренландию «освоили» не викинги, а эскимосы. Ученые утверждают, что история древней Гренландии – это история повторяющихся миграций палео-эскимосов. Они приплывали сюда с арктических островов Северной Америки. Палео-эскимосы приспособились к чрезвычайно неблагоприятному климату и выживали на самой границе ареала, пригодного для существования человека. Но даже совсем небольшие климатические изменения могли погубить недостаточно приспособленную культуру.

Ученые выделяют в Гренландии четыре древних палео-эскимосских культуры, представители которых жили на острове задолго до появления викингов. Это саккакская культура, культура Индепенденс I, культура Индепенденс II и ранняя дорсетская культура. Позже всех исчезла последняя, она существовала приблизительно до 200 года нашей эры.

Но кого же застали в Гренландии викинги, если последний эскимос покинул эту землю за семьсот лет до их появления? Мнения исследователей расходятся. Некоторые считают, что все же представителей культуры Дорсет. Эта культура (начало I тысячелетия до н. э. – начало I тысячелетия н. э.) была открыта в 1925 году на мысе Дорсет (Баффинова Земля). Она была распространена на крайнем северо-востоке Канады, Канадском Арктическом архипелаге и в западной и северо-восточной Гренландии. Племена дорсет были охотниками. Их добычей были тюлени, моржи и северные олени.

Возможно, скандинавские колонисты, прибывшие вместе с Эриком Рыжим, оказались не единственными обитателями острова. Новая миграция эскимосов – представителей поздней дорсетской культуры – предположительно состоялась незадолго до их появления. Но эскимосы поселились на далеком северо-западе острова, на очень большом расстоянии от поселений викингов. И действительно, при раскопках стоянок культуры Дорсет не нашли никаких предметов скандинавского производства. Тем не менее, существуют не прямые свидетельства контактов, так называемые «экзотичные элементы», которые не характерны для этой культуры: винтовая резьба на костяных орудиях труда и резные фигурки людей с бородой.

Другая культура, с представителями которой викинги столкнулись совершенно точно, называется Туле. Она существовала между 900-ми и 1700-ми годами по обоим берегам Берин-

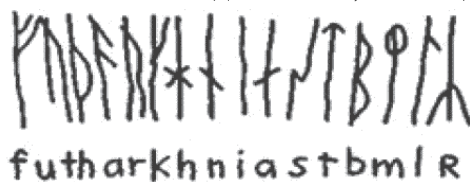
гова пролива, арктическому побережью и на островах Канады. Некоторые исследователи полагают, что в Гренландии Дорсет и Туле некоторое время соседствовали. Это было между 800-ми и 1200-ми годами, после чего Туле сменила Дорсет. Племена Туле хорошо приспосабливались к местным условиям, их кормила охота на животных, как морских, так и наземных. В центральной части американской Арктики тулийцы строили округлые жилища из китовых костей и камня, ездили на собачьих упряжках. Те же представители Туле, которые обитали в области Берингова пролива, жили в домах из плавника. Археологи находят там грузила, каменные лампы, ножи, фигурки людей, животных и водоплавающих птиц. Тулийцы в основном жили оседло. Они копили запасы пищи, и благодаря им могли пережить голодные зимние месяцы.

Как же уживались эскимосы Туле со своими соседями-викингами? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Археологи нашли при раскопках эскимосских стоянок множество предметов норвежской работы. Но как они попали к тулийцам?

В связи с похолоданием эскимосы мигрировали ближе к территориям, которые принадлежали викингам. Ряд исследователей считает, что викинги не только встречались с эскимосами, но даже жили среди них. Но сторонников этой версии немного. Согласно легендам эскимосов, скандинавы конфликтовали с тулийцами. О вооруженных столкновениях с эскимосами рассказывают также саги. Вполне возможно, тулийцы мешали викингам, вытесняя их с охотничьих территорий центральной части западного побережья. Торговали ли эти столь разные народы между собой? Неизвестно. Вещи, изготовленные скандинавами, могли попасть к тулийцам и другим путем: из оставленных викингами поселений. Как ни странно, колонисты не воспользовались опытом своих соседей, чья одежда была более приспособлена к условиям севера, и не переняли даже отдельные элементы их костюма. Это удивляет ученых, но история Гренландии времен викингов вообще полна загадок, и кто знает, найдет ли наука на них ответ.

Таинственный камень

В 1898 году американец шведского происхождения Олаф Оман корчевал пни на своей ферме и на небольшом холме, под корнями тополя, обнаружил грубо отесанный камень. Довольно большой – 76 x 41 x 15 см и весом примерно в 90 кг – он был покрыт странными письменами. Поначалу предполагалось, что надпись сделана на древнегреческом языке, поэтому плиту отправили в Греческий отдел Университета Миннесоты. Но там ученые пришли к неожиданному выводу: перед ними настоящий рунический камень. Как известно, скандинавы писали рунами – латинский алфавит проник на Север лишь с распространением христианства. Происхождение рун остается загадкой. Ученые связывают их с финикийским, этрусским и греческим письмом, однако к единому мнению исследователи до сих пор не пришли. Различают старшие (общегерманские) руны – их двадцать четыре, ими пользовались до IX века – и младшие. Младших рун, собственно скандинавских, шестнадцать.

Скандинавы воспринимали руны как магические знаки. Само название «руна» связывают сейчас с готским словом *runa* – «тайна». Люди верили, что руны обладают волшебными свойствами: с их помощью можно выздороветь, завоевать любовь женщины, лишить силы оружие врага или защититься от мертвеца.

Руны традиционно вырезали на дереве, металле, кости или камне. Возможно, именно поэтому они имеют столь неровные и заостренные очертания.

Камни, на которых вырезаны руны, можно найти на территории Скандинавии повсюду. Есть находки и за пределами Скандинавии. Но это в европейских странах, где присутствие викингов – очевидный исторический факт. А откуда рунический камень в Америке?

В Университете Миннесоты надпись прочитал и попытался перевести профессор скандинавских языков и литературы Олаус Дж. Бреда. Он пришел к выводу, что камень – подделка и передал копию надписи скандинавским ученым. Норвежский археолог Олуф Риг подтвердил, что никакого отношения к средневековой находке не имеет. Затем артефакт отправили в северо-западный университет в Чикаго, где ученые вновь не отнеслись к нему всерьез, а может, просто не смогли перевести надпись. Плиту вернули Олафу Омани. Разочарованный фермер использовал ее не то как навес, не то как порог у дверей амбара. О кенсингтонском камне на некоторое время забыли, но...

В наше время мало кто сомневается в том, что в Северной Америке викинги побывали задолго до Христофора Колумба. Что же известно об этом сейчас?

Летом 986 года норвежец Бьярни Херюльфсон плыл со своими товарищами в Гренландию, но сбился в тумане с пути. Северный ветер понес его корабль в неизвестном направлении. Долго блуждал он в тумане, и вдруг на горизонте появилась земля. Берег был холмистый, покрытый лесом. Викинги не знали, что это за край, но поняли, что уж никак не Гренландия. Выйти на сушу Бьярни не рискнул, а через два дня, севернее, увидел новую землю, тоже покрытую лесом, но равнинную. Викинги просили своего предводителя разрешить им обследовать таинственную страну, но Бьярни вновь побоялся. Через три дня юго-западный ветер отнес его к высокому гористому берегу с ледником. И лишь спустя еще четыре дня Бьярни наконец добрался до цели своего путешествия – норманнского поселка в Южной Гренландии.

Конечно, он тут же рассказал об увиденном, а через пятнадцать лет «побасенки» вспомнил Лейф Счастливый. Как мы уже писали, в Гренландии не было дерева, столь необходимого для строительства. Поэтому Лейф велел разыскать Бьярни, чтобы выяснить, действительно ли в западном направлении лежат земли, покрытые лесами. Лейф купил у Бьярни судно и набрал команду в 35 человек. Весной 1004 года он тронулся в путь. Первый раз викинги высадились на бесплодном гористом и каменистом берегу, и увидели вдаль ледники. Современные ученые считают, что Хеллуланд («Земля плоских камней», как назвал ее Лейф) – это полуостров Камберленд, южная оконечность Баффиновой Земли, где ранее побывал Эрик Рыжий. Следуя далее курсом на юг, викинги через несколько дней добрались до лесистой земли с белыми песчаными отлогими пляжами. Они дали ей имя Маркланд («Лесная земля»). Это было восточное побережье полуострова Лабрадор, у 54° северной широты. Два дня спустя корабль Лейфа сел на мель у незнакомого берега. Ныне большинство ученых считают, что это был остров Ньюфаундленд, а точнее, северное окончание его узкого полуострова, который отделен от материка проливом Белл-Айл. Эту землю называли Винланд. Упоминание о Винланде можно найти в сочинении «*Descriptio insularum Aquilonis*», которое принадлежит перу северогерманского хрониста Адама Бременского. Этот ученый муж в XI веке писал, что название «Винланд» происходит от слова «виноград», поскольку именно он в огромном количестве рос на открытой викингами земле. Но винограда на острове Ньюфаундленд нет. Зато есть несколько теорий, объясняющих это несовпадение. Во-первых, викинги могли найти не виноград, а крыжовник и чернику, из которых впоследствии делали вино. Во-вторых, как и в случае с «Зеленой землей» – Гренландией, возможно имел место рекламный трюк, чтобы привлечь в эти края побольше колонистов. А вот некоторые исследователи предполагают, что в те времена виноград мог расти и на Ньюфаундленде, но с тех пор изменился климат. Существует также теория, гласящая, что некоторые поселенцы Винланда плавали еще дальше на юг и видели там виноград «конкорд», а позднее их рассказы переплелись с рассказами о самом Винланде.

Землю, которая в сагах называлась Винландом, много лет пытался найти норвежский исследователь Хельге Маркус Ингстад. Арéal поисков был очень широк: от Гудзонова пролива

на севере до залива Святого Лаврентия на юге и даже еще южнее – до нью-йоркского Лонг-Айленда. В конце концов в 1960 году Ингстада ждал успех. В небольшом рыбацком поселке Л'Анс-о-Медоуз на территории провинции Ньюфаундленд и Лабрадор (Канада) он обнаружил скандинавское поселение, датируемое по радиоуглеродному методу 1000 годом. В XVI–XVII веках его заново обживали французы, затем их сменили британцы. Археологи обнаружили в Л'Анс-о-Медоуз восемь землянок и кузницу. Бронзовые застёжки, железные заклепки и другие предметы, найденные в ходе раскопок, отправили на выставку в Вашингтон и Нью-Йорк.

Винланд ли это, до сих пор остается загадкой. Но вполне вероятно, что Ингстад действительно обнаружил легендарное поселение, которое основал Лейф Счастливый.

В Винланде викинги решили перезимовать и построили деревянные избы – леса было хоть отбавляй. Зима оказалась довольно мягкой, а самый короткий день в году чрезвычайно длинным по меркам северян.

Летом 1005 года Лейф приказал нагрузить корабль вожаками деревом и отправился домой. В 1006–1012 годах гренландские колонисты еще несколько раз плавали к берегам Винланда и зимовали там на благодатной земле. Они познакомились с местными жителями, одетыми в звериные шкуры – скрелингами. Скандинавы привезли с собой несколько коров, которых скрелинги ужасно боялись: в Северной Америке понятия не имели о том, что скот можно приручить и одомашнить. Оказалось, что со скрелингами можно торговать: они охотно меняли драгоценные меха на красные ленты. Но вскоре выяснилось, что туземцы небезобидны. Скрелинги прекрасно управлялись с пращами, каменными топорами и луками. Конечно, викинги были вооружены гораздо лучше – их оружие было железным, но враг превышал числом. Пришлось убираться восвояси. Так говорят саги, прославляющие Лейфа и его современников.

В наши дни имя Лейфа Эриксона носит исландский международный аэропорт в Кефлавике, а памятник знаменитому викингу с 1887 года является одной из достопримечательностей города Бостона.

Средневековые мореплаватели, конечно, не знали, что «открыли Америку». И вплоть до XIX века ученые даже не предполагали, что викинги побывали на американской земле. Первым эту версию выдвинул датский историк и антиквар Карл Христиан Рафн. В 1837 году вышла его работа «*Antiquitates Americanae*». Рафн изучил саги – он считал, что страна Винланд, открытая викингами, действительно существовала, – а также исследовал возможные места стоянок. Ученый обратился за помощью к своим американским коллегам: он просил поискать следы пребывания колонистов на атлантическом побережье материка. Тут-то и началась мода на викингов. Штаты Род-Айленд и Массачусетс, где, как предполагал Рафн, они побывали с наибольшей вероятностью, стали ареной поисков скандинавского наследия. Находки не заставили себя ждать. Сначала на скалах в Дайтоне были обнаружены «рунические надписи», которые на самом деле оказались индейскими. Затем в Ньюпорте обратили внимание на старинную каменную башню и где-то по соседству с ней даже нашли останки «викинга». Вскоре выяснилось, что башню в 1675 году построил английский губернатор Род-Айленда, а «викинг» был индейцем. Конечно, «охотники за викингами» разочаровали научную общественность, и поэтому рунический камень, который Олаф Оман откопал у себя на ферме, казался подозрительным. И тем не менее, в 1907 году нашелся образованный человек, который его куши. Это был Хьялмар Холанд – выпускник Университета Висконсина. Холанду удалось заинтересовать двоих ученых – геолога Ньютона Х. Уинчелла и лингвиста Джорджа Флома. В 1910 году они опубликовали результаты своего исследования.

Если верить Уинчеллу, выветривание камня позволяет датировать надпись XIV веком. Однако Флом, в свою очередь, указал на несоответствие между рунами на камне и теми, которыми писали в XIV веке, да и язык, по мнению ученого, был более современным. Чтобы выяснить истину, Уинчелл поинтересовался возрастом тополей по соседству с тем, под которым Олаф нашел камень. Ученый посчитал годовые кольца деревьев, которые, по оценкам свиде-

телей, были того же размера. Судя по количеству колец, знаменитому тополи было 30–40 лет. Если камень – подделка, то почему он пролежал в земле так долго? Во-вторых, в то время в районе Кенсингтона жили только простые фермеры, и кажется невероятным, что кто-то из них мог сделать руническую надпись.

Упрямый Холанд отвез загадочный артефакт в Европу, где его в очередной раз признали подделкой – на сей раз ученые из Швеции. Тогда Холанд попытался защитить камень самостоятельно. Он написал о нем несколько статей и книг, и в 1949 году камень выставили на обозрение в американском комплексе музеев Смитсоновского института. О таинственной надписи снова заговорили. Одни ученые – У. Талбитцер и С. Р. Хаген – приняли сторону Холанда, другие – С. Янссон, Э. Молтк, Г. Андерсон и К. М. Нильсен – высказали противоположное мнение.

Казалось бы, спорщики зашли в тупик, но в 1976 году некий Волтер Гран засвидетельствовал, что еще в 1927 году слышал от своего отца, что Олаф Оман сам сделал знаменитую надпись. Правда, отцу Волтера Грана Оман лично ничего подобного не говорил, так что речь шла скорее о слухах и сплетнях. Возможно, Гран-старший просто завидовал Омани.

В начале 1980-х, когда о скандинавах уже было известно гораздо больше, чем во времена Омана, лингвист Роберт Хол из Корнуэльского университета подверг критике методологию, с помощью которых до сих пор исследовали надпись. Хол предположил, что сомнительные с точки зрения филологов места – всего лишь результат диалектических отклонений в старосведском языке. Кроме того, он настаивал на несовершенстве методов, которыми пользовались представители естественных наук, изучавшие плиту.

В 1983 году инженер и исследователь языка из Хьюстона по имени Ричард Нильсен опроверг доводы скептиков, сомневавшихся в подлинности загадочного камня. Так, например, руну, которую интерпретировали как букву J, на самом деле могла быть редкой формой руны L. Такое написание действительно встречается в нескольких рукописях XIV столетия. Нильсен выяснил также, что «неведомый диалект» использовался в области Bohuslan на юге Швеции, рядом с границами Дании и Норвегии. Так что же написано на кенсингтонском камне? Вот какой перевод сделал Нильсен: «8 гетов и 22 норманна во время разведочного путешествия из Винланда через Запад разбили лагерь у двух утесистых островов на расстоянии однодневного перехода к северу от этого камня. Мы вышли из лагеря и ловили рыбу один день. Когда мы вернулись, то нашли 10 людей красными от крови и мертвыми. Аве Мария, спаси от зла». А на ребре камня, по мнению Нильсена, можно прочесть следующее: «У нас есть 10 человек из нашей партии у моря для наблюдения за нашим кораблем в 14 днях пути от этого острова. Год 1362».

В декабре 1998 года впервые с 1910-го был, наконец, проведен физический анализ находки. Камень фотографировали в отраженном свете, сканировали с помощью электронного микроскопа, а также тщательно изучили состав минералов, которые он содержит. Через два года геолог Скотт Ф. Уолтер обратил внимание на полную потерю слюды на надписанной поверхности камня. Уолтер сравнил плиту со сланцевыми могильными камнями в штате Мэн, которым около двухсот лет. Эти образцы демонстрируют значительную, но не полную потерю пирита. Тем не менее, сами руны видны вполне отчетливо, и столь удивительная стойкость материала смущала многих исследователей. Да и не все лингвисты, несмотря на аргументацию Хола и Нильсена, согласны с тем, что надпись подлинная.

Но если надписи действительно 500 лет, кто же ее сделал? Ведь, как мы помним, Лейф Счастливый побывал на американском континенте отнюдь не в XIV, а в XI веке.

Фанат камня Х. Холанд, тот самый, который в свое время купил артефакт у Олафа Омана, считал, что надпись сделали норвежцы из экспедиции Пауля Кнутсона, которых король Магнус Эйрикссон отправил в Гренландию в 1335 году, чтобы укрепить там пошатнувшуюся христианскую веру. Как полагал Холанд, экспедиция Кнутсона, не обнаружив жителей Западного

поселения в Гренландии, отправилась за ними в Винланд. Исчезнувших сородичей моряки так и не нашли, и потеряв часть людей в стычках с индейцами, вернулись в Норвегию.

Экспедиция Ульмана

Бытует мнение, что победоносному шествию Кортеса по мексиканской земле способствовала туземная мифология, так как ацтекский бог Кецалькоатль был белокожим и бородатым. Он научил людей ремеслам, установил законы и обряды, а потом ушел за море, предсказав, что однажды вернется.

Мог ли Кецалькоатль быть обожествленным человеком? Вот отрывок из книги «Сообщение о делах в Юкатане», написанной в XVI веке епископом Диего де Ландой: «По мнению индейцев, с ицами, которые поселились в Чичен-Ице²⁷, пришел великий сеньор Кукулькан. Что это истина, показывает главное здание, которое называется Кукулькан. Говорят, что он пришел с запада, но они расходятся друг с другом, пришел ли он ранее или позже ица или вместе с ними. Говорят, что он был благосклонным, не имел ни жены, ни детей и после своего ухода считался в Мексике одним из их богов – Кецалькоатлем. В Юкатане его также считали богом...» На самом деле речь, по-видимому, идет о правителе, который принял имя божества, которому поклонялся («Кецалькоатль» на языке нагуа, как и «Кукулькан» на языке майя, означает «Пернатый Змей»). Что же касается белой кожи, то, как считают ученые, настоящие индейские мифы ничего о ней не сообщают, и «европейский» облик Кецалькоатля – выдумка конкистадоров-испанцев, псевдолегенда, которая прижилась и распространилась на территории Латинской Америки. Тем не менее, множество исследователей не сомневаются в ее подлинности. В то, что белые побывали в Америке задолго до Колумба, верило и верит множество людей. Этому способствуют и весьма загадочные находки. Самая известная из них – рисунки на скале Сьерра-Полилья в Перу. Даже не будучи специалистом-рунологом, можно заметить, что странные знаки на поверхности камня действительно очень напоминают руны и арабские цифры, а изображенные корабли похожи на ладьи викингов.

Ученого, который первым исследовал рисунки на скале, звали Жак де Майю. Он был человеком, если так можно выразиться, неоднозначным. С одной стороны, он получил две докторские степени – в области экономики и политических наук, а кроме того стал почетным доктором медицины. Будучи к тому же профессором антропологии, он преподавал экономику, этнографию и французский язык в Национальном университете Куйо и университете дель Сальвадор в Буэнос-Айресе. С другой стороны, во время Второй мировой войны де Майю служил в 33-й гренадерской дивизии СС «Шарлеман». После освобождения Франции он бежал в Аргентину, присоединился к перонистам, а потом в 1960-х годах возглавлял националистическую молодежную группу римских католиков. Своих убеждений де Майю не скрывал и занимался «научным расизмом», что безусловно его не красило.

Де Майю полагал, что «белого бога» из мексиканских преданий звали Ульман. Он был викингом – уроженцем Южной Дании. Около 967 года Ульман сошел с корабля на берег залива Пануко в Мексике. Отвратительный климат заставил Ульмана двигаться дальше. Он покинул низинные земли и поднялся на плато Анахуака. Здесь туземцы отнеслись к нему с почтением – они сделали его вождем и учились у него уму-разуму. Позже он жил на юге Мексики, среди индейцев майя, и ассоциировался у них с богом Кукульканом. Ульмана предали собраты-викинги: женившись на туземных женщинах и обзаведясь множеством детей-метисов, они выступили против него. «Белый бог» покинул Мексику и отправился дальше на юг. Потомки викингов якобы побывали в Венесуэле, Колумбии, Боливии и Перу.

²⁷ Чичен-Ица – политический и культурный центр майя на севере полуострова Юкатан в Мексике, священный город народа ица.

Де Майю снарядил экспедицию и побывал в нескольких странах Южной Америки: он искал доказательства своей версии. Что касается скалы Сьерра-Полилья, то рисунки на ней были обнаружены раньше, чем до нее добрался де Майю. Приблизившись к заветному месту, профессор столкнулся с экзотическим препятствием: Сьерра-Полилью облюбовали сотни тысяч бордовых тропических ос – огромных и донельзя агрессивных. Эти невольные стражи в сущности уберегли загадочную скалу от нашествия туристов, которые могли разбавить надписи и рисунки собственными граффити. Усыпив ос, участники экспедиции исследовали таинственные знаки и изображения. Сомнений у де Майю не было: где-то здесь было поселение викингов, руины которого покрыл лес.

В Перуанских Андах де Майю заинтересовался народностью гуайяков – индейцев с относительно светлой кожей. Гуайяки – кочевое племя охотников-собирателей. Традиционно они изготавливают музыкальные инструменты – костяные и бамбуковые свистульки и трехструнные «гитары» или «мандолины», выдолбленные из дерева и не имеющие грифа. Гуайяки славятся также своей глиняной посудой. На одном из черепков и увидел де Майю то, что привело его в трепет: сложный геометрический рисунок соседствовал с десятью знаками, один из которых показался ученому руническим. Исследователь попросил перуанского унтер-офицера, который сопровождал экспедицию, помочь: необходимо было найти автора загадочного рисунка. Художником оказалась туземная женщина. Она пояснила, что просто покрыла глиняный горшок знаками, испокон веков принятыми у гуайяков. Де Майю выяснил, что гуайяки не имели письменности в европейском понимании этого слова. Руна или то, что де Майю за нее принял, была магическим символом, но не буквой.

Тогда исследователь обратился к двоим представителям племени с просьбой изобразить знаками еще что-нибудь. Индейцы с удовольствием водили по бумаге шариковыми ручками. Очень быстро они чертили какие-то символы, смысла которых не знали, но последовательность их была явно заучена на память. Профессор пришел к выводу, что речь идет о какой-то забытой графической традиции.

Вскоре исследователя обрадовал начальник лагеря. Он принес еще три черепка, на двух из которых тоже были «надписи» и пояснил, что осколки были найдены за несколько дней на краю деревни до того, когда индейцы выкорчевывали лес под кукурузное поле. Примечательно, что черепки были очень старыми. Позже исследователи нашли еще более сотни фрагментов, относившихся к семи вазам, слепленным вручную из грубой охристой глины. Вазы были испещрены загадочными письменами. По-видимому, их владельцами были предки современных гуайяков. Когда пришли колониальные войска, индейцы закопали вазы в яму – они почтительно хранили реликвии, вероятно, уже не понимая смысла таинственных надписей.

На одном из черепков можно было различить дату, написанную арабскими цифрами. Их очертания в виде кривой турецкой сабли были характерны для европейцев, находившихся в зоне арабского влияния.

Экспедиция обнаружила также фрагмент сосуда, на котором была нарисована лама. Это животное было неизвестно жителям Парагвая до испанского завоевания и не прижилось, поскольку ламы не выдерживали тропического климата – гораздо больше им подходили высокогорные районы. Де Майю сделал вывод, что гравер, изобразивший ламу, спустился с Андского нагорья. Как выяснил де Майю, фрагменты сосудов, покрытые насечками, похожими на ряды рунических знаков, встречались не только у гуайяков, но и у других племен, живших по соседству. А вот на севере Парагвая о рунах не имели никакого понятия.

В четырнадцати километрах от Сьерра-Мороти – этой «урожайной» деревни – профессора ждал еще один сюрприз: под аркой моста на камнях была обнаружена еще одна надпись, включавшая руны и арабские цифры.

В общем, де Майю считал, что нашел убедительное доказательство того, что викинги в Южной Америке побывали. А некоторое антропологическое сходство гуайяков с европео-

идами позволило ему высказать предположение, что они действительно потомки викингов, которых ассимилировали индейцы. В здешние края, по мнению ученого, они пришли с Андского нагорья. Тут бы де Майю и остановиться. Но описывая свои находки, он пустился в рассуждения о превосходстве арийской расы и отпугнул научную общественность от своего открытия. Рисунки на скале Сьерра-Полилья, также как и керамика гуайяков, нуждаются в непредвзятом исследовании. Действительно ли перед нами руны и цифры или же речь идет о случайном сходстве?

Тайны арабских путешественников

Еще в тот период, когда вся Европа лежала в глубоком сне, арабы являлись торговой, морской, любящей искусства, предприимчивой нацией.

Т. Эрман, немецкий географ XVIII века

В Его власти корабли с поднятыми парусами, плавающие в море, как горы.

Коран: LV, 24

При упоминании об арабских морских путешествиях и путешественниках обычно на ум приходят удивительные приключения Синдбада-морехода, вошедшие в книгу «Тысячи и одной ночи». В 1704 году французский переводчик Галлан познакомил читающую Европу с этой книгой. И с тех пор поколения читателей (а позже и зрителей) заворожены неувядающим очарованием древних мифов. Но мифов ли?...

Путешествия Синдбада в заморские страны, даже когда их не считали вымыслом, казались случайными, ибо никто в XIX веке не думал всерьез о причастности арабов к навигации: в глазах исследователей того времени они были преимущественно сухопутным народом, нацией религиозных фанатиков и воинов, купцов и странствующих дервишей, сынов пустыни и городского ремесла.

Но пристальный взгляд ученых открыл западному миру блистательных арабских ученых и поэтов, утонченную мысль и отточенное слово. Мусульманский Восток показал европейцам каменные летописи славы арабских зодчих в тяжелых сводах, летящих минаретах мечетей и чарующих линиях ажурных дворцов. Тысячи изящно переписанных рукописей показали, на какой высоте в мире этой культуры стояло древнее искусство каллиграфии; были среди арабов граверы и шахматисты, и даже при всей строгости нравов, проповедуемой Кораном, светские актеры и музыканты.

Но моряки, дальние плавания, сложившиеся традиции судоходства! Такое допущение шло вразрез с укоренившимся представлением о жителях Аравийского полуострова. Перед глазами ученых вставала цепь выжженных солнцем пустынь. Редкие пятна оазисов, пересыхающие, теряющиеся в песках реки... Мелководье, зной и пираты у морских побережий... Грозные просторы океана, чуждые вечным кочевникам... Отсутствие леса для верфей...

И куда и для чего плавать, если громадный конгломерат царств от Испании до Индии уже покорен сухопутными армиями наместников пророка? Слабый росток морской темы в науке об арабах до поры до времени казался нежизнеспособным, ведь большинство арабских сочинений стало широко известно европейцам только в XIX веке.

К IX веку арабы завоевали огромные территории от Испании и Марокко до Ирана. На всем этом пространстве сформировалась уникальная культура. Арабские страны будоражили воображение европейцев диковинными товарами и фантастическими рассказами о дальних краях. Многие арабские сказки рассказывают о загадочных землях и островах, где довелось побывать путешественникам и торговцам.

Что в этих сказках было вымыслом, что – описание природных диковинок, а что географической правдой? Как далеко простирались пути мусульманских моряков? Достигли ли они Китая? Смогли ли они обогнуть Африку? Какие тайны скрывали те из путешественников, которые смогли пересечь Сахару и проникнуть в Тропическую Африку?

Есть и еще один вектор арабских торговых экспедиций – северный. Уже в IX веке арабские путешественники проникли в Восточную Европу и оставили немало свидетельств о жизни

славян. Так, один из первых путешественников – Ибн-Фадлан – оставил записки о своем путешествии из Багдада на Волгу. В его записках он четко различал русов и славян. Насколько свидетельства арабских путешественников противоречат русским летописям?

Итак, попробуем приподнять завесу над тайнами, скрытыми в глубине веков.

Потерянные сокровища арабской талассографии²⁸

Итак, долгое время европейцы считали арабов сухопутной нацией и оставляли за ними возможность лишь каботажного плавания. С упадком халифата сами мусульмане стали забывать о былом величии, науки пришли в упадок, остались лишь смутные воспоминания да еще сказки о «Синдбаде-мореходе».

Но работа ученых не пропала даром, и в XIX столетии ситуация стала потихоньку изменяться. Известный австрийский востоковед, в свое время оказавший большое влияние на Гете и Бальзака, Хаммер-Пургшталь издал «Морскую энциклопедию» турецкого адмирала и поэта XVI века Сиди Али Челеби. Долгое время эта уникальная книга изучалась и переводилась на многие языки, вместе с содержащимися в ней картами. Но вот в 1912 году французские востоковеды, роясь в архивах, обнаружили доселе неизвестную науке рукопись.

Это была «Книга полезных данных об основах и правилах морской науки» Ахмада ибн-Маджида. Попутно была обнаружена и рукопись его младшего современника Сулеймана аль-Махри. Людьми, открывшими эти сокровища, были Габриэль Ферран и Морис Годфруа-Демомбинь. Позднее к ним присоединились другие ученые, были открыты другие рукописи и материалы.

Большой вклад в изучение мусульманской талассографии внесли египетский ученый Ахмед Заки-паша, окончательно доказавший, что Ахмад ибн-Маджид был лоцманом Васко да Гамы (об этом мы расскажем подробнее чуть позже) и русский востоковед Т. Шумовский, который перевел и издал три ранее неизвестные лоции Ахмада ибн-Маджида, а также написал несколько работ об арабском мореплавании.

Оказалось, что мусульмане не боялись выходить в открытое море, и торговля с самыми отдаленными уголками планеты велась с большим размахом. Кроме того, удалось доказать, что энциклопедия Сиди Али Челеби в значительной мере является переводом труда Ибн-Маджида и практически ничего не добавляет к сведениям последнего о плавании в Индийском океане. Конечно, это не умаляет заслуг турецкого ученого, который, кстати, первым в мусульманском мире привел сведения о только что открытом Новом Свете.

Теперь доказано, что арабы вели широкую морскую торговлю еще до принятия ислама. Этот процесс начался задолго до новой эры. Свидетельства, в частности, находят в трудах Плиния Старшего (I в. н. э.) и китайского путешественника Фа Сяня (V в.), который, посетив Индию, обнаружил там колонии арабских купцов.

Еще в древности, а затем и в начале средних веков арабы играли большую роль в торговле стран, прилегающих к Индийскому океану. Впоследствии они заняли ключевые позиции на великих торговых путях в восточной части Индийского океана и обрели абсолютное господство в его западной части.

Мощный военный флот появился у арабов еще во времена халифа Османа (644–656). Особая роль в этом деле принадлежит Муавии ибн-Абу Суфьяну, который был тогда наместником Сирии и воевал с Византией. Еще в 649 году мусульманский флот под командованием Абдуллаха ибн-Абу Сарха захватил Кипр, и началась его колонизация.

Вообще на протяжении столетий мусульманский флот доминировал в Средиземном море. За это время появилась целая плеяда выдающихся флотоводцев, методы которых не раз перенимали европейцы. Можно назвать Абдуллаха ибн-Кайса аль-Хариси, который начиная с 649 года около 50 раз вел корабли на приморские города Византии. А в 653-м, около Александрии, византийский флот потерпел самое сокрушительное поражение за всю свою историю.

²⁸ Греческое слово «талассография» переводится как «мореведение», наука об описании морей, о мореплавании и мореплавателях.

С VII века арабы, жившие на Аравийском полуострове, стали активно распространять свою власть, культуру и новую, воинствующую мусульманскую религию – ислам – на огромной территории. На востоке они завоевали все Иранское нагорье и Туркестан, к северу от Аравии – Месопотамию, Армянское нагорье и часть Кавказа, на северо-западе – Сирию и Палестину, на западе – всю Северную Африку.

В 711 году арабы переправились через пролив, который с этого времени стал называться искаженным арабским именем – Гибралтар (от *араб.* «джабал тарик» – «гора Тарика») и в течение семи лет (711–718) завоевали почти весь Пиренейский полуостров.

Таким образом, в VIII веке арабы овладели западными, южными и восточными берегами Средиземного моря, всеми берегами Красного моря и Персидского залива, северным побережьем Аравийского моря. Они контролировали важнейшие сухопутные дороги, связывающие Восточную Европу – через Среднюю Азию или Кавказ и Иранское нагорье – с Индией, и западный участок Великого шелкового пути. Благодаря этому арабы не одну сотню лет были посредниками в торговле Европы со всей Южной и Юго-Восточной Азией и Китаем. Основными азиатскими товарами, поставлявшимися арабами в Европу через Персидский залив в Багдад или через Красное море к Суэцкому перешейку, были дорогие ткани, слоновая кость, драгоценные камни и жемчуг, чернокожие рабы, золото, но особенно пряности. Дело в том, что в средневековой Европе массовый убой скота проводился поздней осенью, когда начинал исчезать подножный корм. Мясо солили впрок целыми бочками, причем широко применяли пряности, чтобы мясо не теряло вкуса и не портилось. И ценились они на европейском рынке буквально на вес золота. Тропические пряности произрастали в то время только на юге и юго-востоке Азии. В торговле первое место занимал перец, распространенный почти во всей тропической Азии. Но главным местом его культуры был Малабарский берег, оттуда шли также имбирь и кардамон. Индонезия поставляла гвоздику и мускатный орех, Шри-Ланка – корицу. И эта индийская торговля с Европой была монополизирована арабами. В руках мусульман побывали и Сицилия, и Родос, и Балеарские острова, и Мальта, и Сардиния, и Корсика, не говоря о мелких островах.

Расцвет мореплавания пришелся на X столетие, ибо к этому времени покорителям пучин оказывала помощь наука. Развитие астрономии вооружило моряков методами установления местонахождения корабля по звездам при помощи соответствующих приборов. Был изобретен косой парус, что дало возможность кораблям двигаться против ветра, постепенно наращивая скорость. (Это изобретение впоследствии переняли европейцы.)

Арабские города восточноафриканского побережья – Кильва, Момбаса, Малинди, Софала и другие – вели оживленную торговлю со всеми странами Азии. Арабские моряки прекрасно знали морские пути от стран Красного моря до Дальнего Востока. «Арабские лоцманы имеют компасы для направления судов, инструкции для наблюдения и морские карты», – писал Васко да Гама.

Арабами также была создана специальная литература по мореходству, которая включала описание маршрутов, лоции, морские справочники, обобщавшие важнейшие достижения в области судоходства и навигации за много веков.

Мощное развитие получила картография: были составлены довольно точные карты известного мусульманам мира. Многие из них расшифрованы и изданы в наше время. Доказано также, что этими картами пользовались португальцы, их собирал принц Генрих (Энрике) Мореплавателем, заложивший в XV веке основы португальского мореплавания. Экономический подъем, развитие математики и усовершенствование техники кораблестроения также сыграли важную роль в развитии мореплавания.

В 827 году арабские ученые произвели измерение географического градуса: погрешность на 111 км составила всего 1 км – менее 1 %. Следующее измерение с подобной точностью сумели повторить в Европе только в XVI–XVII веках.

Впрочем, достижения арабских географов²⁹ и картографов не так уж и удивительны, если вспомнить, что отличительной чертой арабской культуры являлось вообще значительное развитие точных наук³⁰, именно арабским ученым принадлежат особые заслуги в развитии геометрии и тригонометрии, а также других областей математики. Они много сделали для развития алгебры и усовершенствовали индийскую цифровую систему, введя в нее знак 0 (нуль), что дало возможность изображать цифрами любые самые большие числа.

Хотя арабские географы и не имели прямых контактов с географами Европы, однако же ввиду оказанного ими влияния на европейских географов они занимают важное место в истории географических открытий. Их главная роль заключается в том, что они сумели сохранить кое-что из наследства классической древности в тот период, когда Западная Европа была не в силах оценить его значение. Арабская литература насчитывает несколько трудов замечательных путешественников, повидавших закрытые для европейцев страны.

Но надо отметить, что вопрос о влиянии арабских путешественников на европейскую географическую мысль до сих пор не решен однозначно. Скептически настроенные исследователи придерживаются мнения, что оно было невелико (эпоха Великих географических открытий была инициирована европейцами). Но, как гласит противоположная точка зрения, арабы не только внесли огромный вклад в развитие философии, медицины, истории, физики, математики и астрономии, о чем свидетельствует множество арабских слов, которые остались в европейских языках, например, алгебра, алкоголь, азимут, зенит, надир, но и подвигли европейцев на эти самые Великие географические открытия.

Как пишет Т. Шумовский в своей книге «По следам Синдбада-морехода. Океанская Аравия», мусульманская наука много дала европейцам в области развития мореплавания. Помимо упомянутого выше, это и типы кораблей. Особой популярностью пользовались галеры, баржи и некоторые особенности корабельной оснастки. А также многие арабские понятия в области морской терминологии.

Известный немецкий ученый доктор Кюнитцх в 1959 году опубликовал каталог из 210 названий звезд, которые были переняты у арабов. Все эти факты красноречиво говорят о большом и многогранном влиянии мусульманской науки и технических достижений на европейцев.

Корабли мусульманских купцов задолго до прихода европейцев в Азию и Африку связали в единое экономическое целое разнообразные народы и государства. В систему товарооборота были вовлечены Китай, Корея, Индонезийский архипелаг, Шри-Ланка, восточная Индия, юг Индокитая, Мадагаскар, Занзибар, Мальдивские, Андаманские, Никобарские и Лаккадивские острова, вся Восточная Африка, Тайвань и некоторые более мелкие острова.

Расцветали многочисленные портовые города: Маскат, Сираф, Джульфар, Моха, Джидда, Аден, Малинди, Каликут, Дар-эс-Салам, Ормузд (Хурмуз), Мале, Момбаса, Могадишо и десятки других. Активно действовали промыслы жемчуга на Бахрейне и Катаре, добыча железной руды в Африке, заготовка корабельного леса (кокосовой пальмы) на Мальдивах и Лакшадвипе.

Арабские путешественники значительно раздвинули пределы исследованных стран в Азии и Африке. В северной половине Африки они проникли до самого Нигера, на запад дошли

²⁹ К арабским географам обычно относят всех средневековых мусульманских географов, писавших на арабском языке – культовом языке ислама. На самом же деле среди них были представители ряда неарабских народностей, в том числе уроженцы Средней Азии (Хорезми, Альбируни и др.).

³⁰ Арабы, кстати, стали учителями европейцев не только в области математики, они сделали большие успехи и в медицине, поставив ее на четко научную основу, прибегая в своих опытах к препарированию и тщательно изучая анатомию. По арабским учебникам медицины в Западной Европе учились на протяжении всех средних веков. Особенно большую известность не только на Востоке, но и в Европе приобрел знаменитый врач и физиолог Абу Али ибн-Сина (Авиценна, 980-1037), таджик по национальности, живший в государстве Саманидов. Авиценна написал около 100 книг по медицине, физике и философии. Главное его произведение «Канон врачебной науки» было переведено на латинский язык и являлось своего рода настольной книгой у врачей средневековой Европы почти до XVI века.

до Сенегала, на востоке до мыса Корриентес. Уже в очень раннюю эпоху военачальники, посылаемые в завоевательных целях, обязаны были отмечать на картах покоренные земли. Арабы расширили изучение Аравии, Сирии и Персии и доставили хотя бы некоторые сведения о Монголии, Южной России, Китае и Индостане.

Надо сказать, что крестовые походы отнюдь не ввергли Аравию в то жалкое состояние, в каком ее мечтали видеть христианские монархи. Флот ее и гавани блистали прежним величием, а потери в одном месте с лихвой компенсировались приобретениями в другом. В X веке, например, ярко засверкала звезда Могадишо на побережье Сомали – новая торговая фактория южноморских Синдбадов. Ибн-Баттута, побывавший там в 1331 году, уже застал большой, оживленный и прекрасно оборудованный порт. Каждый прибывающий корабль встречали еще на рейде небольшие лодки-самбуки, и их владельцы наперебой предлагали странникам здоровую пищу и гостеприимный кров. Принять у кого-либо из них накрытое кисеей блюдо с яствами означало отдаться под его покровительство, заключить жилищный контракт. Такой или сходный обычай существовал и в других портах Африки, Индии, Мальдивских и иных островов. Однако это гостеприимство ничуть не мешало портовым инспекторам и таможенникам скрупулезно исполнять свои обязанности, а капитанам арабских кораблей – «добровольно» уступать для местной казны часть товаров по заметно сниженным ценам: это было все же лучше, нежели конфискация груза, иногда и вместе с судном, за ложную информацию.

По-прежнему престижной оставалась для арабов и служба в военном флоте. Таковых они имели пять. Два «опекали» Восточное Средиземноморье: критский, державший в повиновении острова и берега Эгеиды, и сирийский, осуществлявший ту же задачу у южного побережья Малой Азии и у берегов Леванта. Сирийский флот был вторым по значению, особенно в первой четверти X века, когда им командовал византийский пират Лев Триполитаник, из каких-то соображений променявший крест на полумесяц и одержавший ряд блистательных побед над бывшими своими соотечественниками. В западной части Средиземного моря действовали африканско-сицилийский флот, державший в постоянном страхе Италию, и испанский, чье название отражает его цели. Центральным, главенствующим флотом был египетский, его корабли дислоцировались в портах Египта и Южного Леванта, а штаб-квартира находилась в Каире.

Ни в одном флоте мира – ни до того, ни после, вплоть до XVI или XVII века – не было такой четкой организации и железной дисциплины. Весь он был разделен на десять эскадр, возглавляемых «эмирами моря» – адмиралами. Из их числа назначался главный адмирал флота – мукаддам. В мирное время все они, как, впрочем, и остальные моряки, жили в своих поместьях, а в случае даже кратковременной отлучки обязаны были известить об этом начальство и указать новый адрес или маршрут поездки.

Численный состав эскадр, а следовательно, и всего флота в разное время был различным. Неизменным оставалось лишь количество командующих и эскадренных старшин, ведавших выдачей жалованья. За каждым старшиной было закреплено определенное количество офицеров и матросов, и они, руководствуясь списком, выплачивали нужные суммы.

Из корабельных должностных лиц нам сегодня известны, кроме палубных матросов и рулевых, лоцман, писец, «мастер причала», боцман, вычерпыватель воды, плотник. Из числа матросов назначались постоянные впередсмотрящие, или дозорные, они же были и сигнальщиками. Иногда на судне был врач, если только лекарским искусством не владел кто-либо из команды. Разумеется, на весельных судах были две-три смены гребцов – свободных или рабов. Имелись также хранители провизии и корабельного имущества.

В случае подготовки к походу старшины отправляли посыльных по имеющимся у них адресам и созывали всех в Каир. Здесь халиф производил смотр и вручал «походные» – по пяти динаров каждому сверх обычного жалованья, «ибо перед лицом Аллаха и смерти все

равны». Затем устраивался морской парад, и прямо с него корабли уходили в экспедицию, по возвращении из которой на повторном смотре подсчитывались потери и добыча.

Однако вопреки всем усилиям халифов смотры начиная с середины X века становились все печальнее. В 961 году арабы потеряли Крит, а спустя четыре года – Кипр, после чего они уже практически перестали грезить о лаврах в морской войне с византийцами. В 1071 году норманны вытеснили арабов с Сицилии, в 1098 году они упустили из рук Мальту, и эти потери обернулись крупным выигрышем для Италии, много лет опасавшейся разделить судьбу Испании. Впрочем, скоро и Испания смогла вздохнуть свободней и начать вынашивать идею Реконкисты – после того, как арабы потеряли в 1146 году Триполи, а двумя годами позже Махдию, свою пиратскую столицу.

Пришла эпоха оживленного обмена идеями, христиане заимствовали все, что казалось им дельным, у арабов, арабы – у христиан.

Негоцианты, географы, сказочники и математики

Арабские сказки рассказывали о таинственных странах и морях. Синдбад-мореход, Аладдин, Али-Баба, Гарун аль-Рашид, несметные сокровища, джинны, великаны, морские змеи и птицы Рухх...

На первый взгляд все это имеет слабое отношение к реальности. Но как известно, «сказка – ложь, да в ней намек...» Цветы фантазии питали вполне материальные корни – письменные памятники арабской географической мысли, труды купцов, путешественников, картографов, историков.

Теперь нам известны разнообразные труды мусульманских ученых о мореплавании, которые в общем можно разделить на две группы: описательные и математические работы. Математико-географическая литература арабов является частью их общеономических трудов, и ее узкоспециализированный характер многим обязан «Географии» Птолемея, переведенной на арабский язык в самом начале ГХ века. Математические труды здесь рассматривать подробно мы не будем. Нас больше интересует география описательная. Успехам арабов в этой области описательной географии значительно способствовало распространение их политического влияния. С ростом и укреплением халифата в VIII–IX веках централизованная система управления, требовала хороших путей сообщения и точных сведений о них с перечислением маршрутов, почтовых станций, с указанием расстояний и условий передвижения.

Интересы государства, бывшего мировой державой своего времени, принуждали к необходимости иметь точное представление о других, в первую очередь о соседях. И война, и мир этому содействовали: сведения доставляли и посольства, и пленники, возвращавшиеся на родину (одному из таких пленников, побывавших в Византии, мы обязаны первыми у арабов сведениями не только о ней, но и об ее соседях, славянах и других жителях Южной России).

Значительную роль в распространении знаний играли также ежегодные паломничества в Мекку³¹ и сравнительная дешевизна и легкость путешествия среди единоверцев.

Религия, наложившая обязательство паломничества (хаджа), требовала известного внимания и к астрономической географии, без которого невозможно выполнение религиозных обрядов у мусульман.

Начало и конец поста, время пяти ежедневных молитв были строго регламентированы и нуждались для своего установления в значительных сведениях по астрономии и математике. Для определения времени молитв устанавливались горизонтальные солнечные часы (басита), планировка которых зависела от точного знания широты и долготы места. Длина тени гномона (микиас) каждый день требовала некоторых вычислений и определенных знаний. Когда тень на часах после полудня делалась больше той, какой была в полдень, на величину микиаса – гномона, начиналось время, носившее название аср. Направление в сторону Мекки, лицом к которой должен быть обращен молящийся при молитве или при постройке мечети, так называемая кибла, варьировалась в каждой стране, и определение ее было связано с географическими координатами Мекки и данного пункта.

Также астрономические знания были очень важны для успешного составления гороскопов, которым придавали серьезное значение.

В свою очередь торговля, пользовавшаяся с одинаковой легкостью и сухопутными и морскими маршрутами, не только объединяла самые отдаленные области халифата, но выходила далеко за его пределы, вовлекая в орбиту своего влияния и центр Африки, и северо-восток Европы, и юго-восток Азии. Как мы уже писали, зона влияния арабов простиралась от Атлан-

³¹ Одним из требований ислама было паломничество в Мекку, обязательное раз в жизни для мусульманина при наличии известного достатка и свободных путей сообщения.

тического до Тихого океана и охватывала также значительную часть восточного побережья Африки. Арабские купцы пересекали Сахару, в Испании и Сицилии они соприкасались с европейцами, а в Индии и Китае имели дело с народами Дальнего Востока.

И религия, и торговля расширяли масштабы путешествий, этому же содействовала и система образования. «Ищите науку хотя бы в Китае», – гласит изречение, приписываемое Мухаммеду, и путешествия в «поисках науки» с первого же века мусульманской эры стали почти обязательным завершением «круга учения». Слушать знаменитых ученых ездили из Андалусии в Бухару, из Багдада в Кордову. Достаточно вспомнить того андалусского новеда XII века Саад ал-Хайр ал-Ансари ал-Андалуси, который подписывался ас-Сини, т. е. Китаец, потому что путешествовал в такую дальнюю страну.

Все это влекло не только расширение географических сведений, но оставляло след и в географической литературе, вызывая к жизни самые разнообразные произведения, начиная от сухих путеводителей и кончая живыми рассказами порой чисто беллетристического характера. Но долгое время эти жемчужины арабской географической науки оставались тайной за семью печатями для Европы. Как это ни удивительно, но несколько веков европейцы познавали мир, игнорируя богатейшие достижения в этой области, сделанные до них арабами!

Одним из первых арабских географов, создававших труды описательного характера, был Ибн-Хордадбех, работа которого относится примерно к 850 году. Будучи чиновником, он имел доступ к ценным статистическим материалам. В его книгу «О дорогах и царствах» включена краткая сводка его научных воззрений, заимствованных у «школы» Птолемея, а также данные о великих торговых путях арабского мира. Но при всей ценности этого труда следует признать, что он изобилует разного рода баснями, вроде рассказов о китах длиной в полкилометра.

К этому же времени относится повесть Абу Зайда Хасана ас-Сирафи (851 год) о путешествии двух купцов в Китай. Она основана на достоверных фактах и повествует о деятельности купца Сулеймана и путешественника Ибн-Вахба, об их маршрутах и местах посещений. В книге содержится много интересных сведений о торговых взаимоотношениях восточных народов, описаны быт и нравы жителей стран Дальнего Востока.

Появившаяся на рубеже IX–X веков еще одна уникальная арабская хроника, которую написал в VIII веке Абу Суфйан Махбуб аль-Абди, говорит о постоянных связях Омана и Басры с Китаем, Индонезией и Кореей и подтверждает факт существования арабо-персидской торговой колонии в Гуаньчжоу. Эта колония была уничтожена в 878 году в результате восстания Хуан Чао. Тогда погибли десятки тысяч мусульманских торговцев. Но восстание не прервало торговлю между двумя областями восточного мира, а только несколько ослабило ее. Кстати, косвенным свидетельством размаха этой торговли являются факты исламизации народа хуэй в Южном Китае и народа тям в Индокитае. Последний основал мощную исламскую державу Тямпу (погибла в XVII ст.). Оба народа сохранили приверженность мусульманской религии до настоящего времени. Несколько позже обратились в ислам многие народы Индонезии, Малайзии, Брунея и Сингапура...

Другим известным арабским географом, историком и путешественником этого периода является Якуби (Абуль-Аббас Ахмед ибн-Якуб), фундаментальная работа которого – «Книга стран» – написана около 900 года. Его называют отцом арабской географии, поскольку писатели, жившие позднее, широко пользовались его трудами. Он родился в Багдаде, в семье чиновника. Жил в Армении, потом в Хорасане, путешествовал по Индии. Затем обосновался в Египте, откуда ездил в Магриб. С юности Якуби горел желанием узнать как можно больше об отдаленных странах. Сам он был опытным путешественником и, кроме того, собрал большой материал, опрашивая людей, побывавших на Западе или на Востоке. Все, что он знал, он и обобщил в сводном труде под названием «Книга стран» («Китаб аль-булдан»).

Эта книга содержит обработанные сведения по географии всего исследованного к концу IX века н. э. мира, зачастую весьма оригинальные. Якуби приводит подробные географические

наименования населенных пунктов, расстояния между ними и ряд фактов из области экономической географии. Само заглавие его труда уже показывает, что Якуби хорошо понимал широту и размах такого предмета, как география. Он был серьезным писателем и, в противоположность многим более поздним арабским географам, отделял правду от вымысла.

Якуби также является автором двухтомного сочинения «Тарих» («История»), в первой части которой содержатся сведения по истории Ассирии, Египта, Греции и других государств древности. Вторая же книга рассказывает об истории ислама и Арабского халифата до 259 года хиджры, то есть до 872 года н. э.

Странствия другого, типичного для этого раннего периода географа Ибн-Хаукаля (Абдул-Касим-Мухамед), родом из Багдада, могут служить хорошим примером прекрасных связей внутри мусульманского мира. Ибн-Хаукаль путешествовал более 30 лет по разным странам. В 953 году он отправился на восток, где в долине Инда встретил географа Истахри, который написал впоследствии книгу «Климаты», снабдив ее картами. Книга эта легла в основу «Книги дорог и царств», законченной Ибн-Хаукалем в 988-м, которая представляет собой географическое, политическое и статистическое описание различных провинций империи халифов, в которой также можно найти некоторые сведения о хазарах, болгарях, славянах и русах. Автор использовал всякого рода сведения, «делающие географию наукой, представляющей интерес как для государей, так и для людей всех сословий», сделал свою книгу общедоступной. Труд Ибн-Хаукаля важен и в силу того факта, что он включает в себе описание мусульманской империи халифов в зените ее могущества.

Однако еще большую ценность представляет большой труд Масуди, объехавшего весь мусульманский Восток от Испании до Китая и побывавшего также, по-видимому, на Мадагаскаре. Хотя труд этот, названный Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов», и не является чисто географической работой, но он содержит много сведений географического характера. Создавая свой труд, Масуди хотел создать нечто вроде энциклопедии знаний того времени. Он имел весьма ограниченное представление о Европе и многое заимствовал у более ранних писателей, но в некоторых вопросах он был хорошо осведомлен. Так, он знал, что Каспийское море было внутренним озером, и был первым арабским географом, указавшим на существование Аральского моря.

Серьезная географическая составляющая есть в замечательном труде Бузурга ибн-Шахрияра «Чудеса Индии» (X век). Автор описал животный и растительный мир дальних стран, быт народов тех мест, много рассказал об архипелагах и море. Следует заметить, что мусульманские ученые того времени уже использовали систему географических координат.

Особо следует выделить Абу Бакра Ахмада ибн-аль-Факиха аль-Хамадани, который большое внимание уделил этнографии и описанию фауны. Самобытный характер в трудах этого ученого имеют разделы, в которых говорится о маршрутах кораблей в восточных морях, признаках перемены ветра, огнях святого Эльма, вулканах и пр. Экономическая и политическая жизнь описываемых стран, особенно Китая, также отображены очень хорошо.

Китай, Корея, Тибет, Кхмер, Индия, Никобарские острова и даже моря за полярным кругом описаны в трудах Абу Али Ахмада ибн-Умара ибн-Русты. Существовала и обширная лоцманская литература по навигации в Индийском океане, частично в Тихом океане и подробнейшие лоции Красного и Средиземного морей.

Следующий арабский географ, Идриси, хотя и не считается самым крупным с точки зрения европейцев, является, пожалуй, самым интересным. Этот человек по имени Абу Абдаллах Мухаммед ибн-Мухаммед ибн-Абдаллах ибн-Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани (1100–1165), известный как аш-Шериф ал-Идриси или просто ал-Идриси, был потомком эмирского рода Идрисидов (ветви Алидов), но ко времени его рождения семья давно лишилась власти. Родился он в Сеуте, но образование получил в Кордове. С юности много путешествовал, в 1116 году

жил в Малой Азии, также (по мнению акад. И. А. Крачковского) посетил Францию и Англию, объездил Испанию и Марокко. Около 1138 года переехал в Палермо ко двору Рожера II.

Идриси был автором географического сочинения «Рауд алунс ва нузхат ан-нафс» («Сад приязни и развлечение души»), составленного для Вильгельма I, от которого сохранилось лишь несколько цитат. Также известны отрывки его стихов. Но главным его произведением является знаменитая географическая энциклопедия – «Книга Рожера». В предисловии к «Книге Рожера» ал-Идриси говорит об интересе короля Рожера к географии и его приказе составить книгу, обобщающую сведения греческих и арабских географов. Сначала (как сообщает сам Идриси и подтверждает арабский биограф XIV века ас-Сафади) король приказал отлить из серебра диск с детальной картой мира и составить бумажные карты, вслед за чем и была составлена книга. Также Рожер не только расспрашивал путешественников, но и (согласно ас-Сафади) посылал людей в разные страны для сбора сведений.

Знаменитая «серебряная карта» была отлита в виде серебряного блюда с гравировкой. Карта представляла собой причудливую смесь ценнейших сведений с вымыслом и ошибками, характерными для картографии тех времен. Тем не менее, она превосходила по точности все средневековые аналоги. Север на ней помещен внизу, а Африка –верху. Обитаемый мир разделен на семь секторов – от экватора до северной снежной пустыни.

Почему же серебряная карта ал-Идриси была сделана в перевернутом виде, т. е. с югом наверху, а с севером внизу? Соглашение, принятое на большинстве современных карт, о том, что север находится вверху, а восток, соответственно, справа, было установлено астрономом Птолемеем и принято другими картографами европейской традиции. Дело в том, что при составлении карты необходимо иметь некое фиксированное направление. Такое направление обязательно должно быть обозначено с неким неподвижным объектом. Однако на Земле все движется и перемещается, поэтому этот объект надо искать среди звезд на небе. Единственной почти неподвижной звездой, наблюдаемой в Северном полушарии, является Полярная звезда, которая в наше время указывает на север. При рисовании карты человек для удобства располагает ее ниже своей головы, и когда он становится так, чтобы видеть Полярную звезду прямо перед собой, верх карты автоматически указывает на север. По аналогии с традицией, возникшей в Северном полушарии, в государствах Южного полушария карты иногда ориентируют югом кверху. Такие перевернутые карты популярны в Австралии, Новой Зеландии и в других странах Южного полушария. Они также используются в других частях мира, как инструменты для обучения критическому мышлению.

Какими же соображениями руководствовался Идриси, составляя свою перевернутую карту? Это остается загадкой. Карта сохраняла популярность в Италии вплоть до XV века, когда ее в своей работе использовал венецианец фра Мауро.

Вернемся к «Книге Рожера». Во введении Идриси называет свои основные источники: это Птолемей (зависимость от которого достаточно велика) и Орозий – из античных авторов, а из арабских Ибн-Хордадбех, ал-Йакуби, Кудама ал-Басри, ал-Масуди, ал-Джайхани, Ибн-Хаукаль, ал-Узри, а также малоизвестные Джанах ибн-Хакан ал-Кимаки, Муса ибн-Касим ал-Каради и Исхак ибн-ал-Хасан ал-Мунаджжим.

В начале сочинения дается общее описание Земли. Она делится на семь климатов (широтных зон), а каждый из них – на 10 зон с запада на восток. Таким образом, 70 секций сочинения связаны с 70 прилагавшимися картами. По подсчетам К. Миллера, на картах нанесено около 2500 наименований объектов, а в тексте их более 6000. В частности, описание страны ар-Русийа (Русь) включено в 5 секцию VI климата и 4-ю и 5 секции VII климата и содержит названия более 20 городов. В сочинении содержатся сведения обо всех известных арабам странах – от Западной Африки до Скандинавии и от Марокко до Китая.

С именем Идриси связан третий и последний период арабской картографии, говорящий о некотором регрессе, ибо на картах теряется понимание значения географической широты

и долготы. В разделе, содержащем описание района Балтийского моря, упомянута страна *Astlanda*, то есть Эстляндия, и говорится: «К городам Астланды относится также город Колуван. Это маленький город вроде большой крепости. Жители его землепашцы, и их доход скуден, но у них много скота». Это первое в истории упоминание Таллинна. Город Ялта (как Джалита) впервые также обнаруживается именно в сочинении ал-Идриси.

До наших дней дошли три манускрипта XIV–XV веков с «Книгой Рожера», из них два находятся в Национальной библиотеке Франции и один – в Бодлианской библиотеке Оксфорда.

Последующая арабская традиция обращалась к труду ал-Идриси редко, его используют только Ибн-Саид ал-Магриби и Абу-л-Фида. А латинским авторам XII–XIII веков труды Идриси остались неизвестны. Тем не менее позже Идриси стал одним из наиболее известных в Европе средневековых арабских географов, чему способствовали ранние издания его труда. Первое арабское издание появилось в Риме в типографии Медичи в 1592 году и передавало сокращенную редакцию труда Идриси. По этому же изданию был сделан латинский перевод 1619 года, по недоразумению названный «*Geographia Nubiensis*», ибо переводчики посчитали автора уроженцем Судана. В 1836–1840 годах П. А. Жобер выпустил полный французский перевод книги Идриси. А вот полное издание труда Идриси в оригинале вышло лишь в XX веке.

Еще одним знаменитым арабским географом является Якут аль-Хамави (полное имя – Якут ибн-Абдаллах ар-Руми (то есть Византиец) аль-Хамави Абу Абдаллах Шихаб-ад-Дин). Он был не только географом, но и ученым, и писателем, и филологом, и путешественником, и историком. Якут родился около 1196 года, по происхождению был малоазийским греком. Еще ребенком был захвачен в плен и продан в Багдаде сирийскому купцу по имени Аскар ибн-Ибрахим аль-Хамави, который воспитал его в исламских традициях, обучил и сделал своим приказчиком и торговым агентом. С торговыми караванами и судами Якут объездил Египет, Сирию, Палестину, Аравию, побережье и острова Персидского залива.

В 1199 году он получил свободу, после чего посвятил себя книжному делу – переписке книг и книготорговле. Первоначально обосновался на постоянное жительство в Багдаде. С 1213 года снова начинаются его путешествия, в которых Якут, соединяя торговлю с научными знаниями, знакомился со многими городами и странами. Он едет в Тебриз, потом в Сирию (Дамаск, Алеппо), потом в Мосул, наконец в Мерв в Хорасане. Якут провел много лет, усиленно занимаясь в знаменитых библиотеках Мерва. Именно здесь он начинает собирать материалы для своих главных работ. В Мерве Якут составил два «словаря»: один географический, а другой биографический, в которых содержится ценный материал о явлениях природы и мало вымысла.

Якут придерживался хариджитских³² взглядов, в чем сказывалась независимость Якута по отношению к традиции и самостоятельность в суждениях. После неоднократных столкновений с шиитами Якут в 1216 году был вынужден бежать из Дамаска в Среднюю Азию.

Среди ученых занятий и путешествий в Хорасане и Хорезме Якута застигла надвигавшаяся тогда угроза – Чингисхан. Пришлось бросить все и бежать, сначала в Мосул, а потом в Алеппо к ученому и гостеприимному визирю Ибн-аль-Кифти, автору большого географического словаря. Якут прибыл к нему в 1222 году. Спокойная жизнь в Алеппо в течение двух лет дала ему возможность завершить свое грандиозное дело – составление огромного «Географического словаря», который он закончил 13 марта 1224 года. Потом он ездил в Мосул и Египет и, наконец, в 1228-м опять вернулся в Алеппо. Здесь он еще продолжал работать над своим географическим сочинением и умер 20 августа 1229 года.

³² Хариджизм – первая в истории ислама религиозно-политическая группировка, обособившаяся от основной части мусульман.

Сбором научного материала Якут аль-Хамави занимался всю жизнь. К окончательному оформлению сочинений он приступил еще в Мерве, в 1218 году, а закончил только перед смертью. Якут создал образцовые по достоверности работы и снискал славу величайшего арабского географа.

Якут написал также топонимический «Словарь стран» («Муджам аль-булдан», около 16 000 статей), обобщивший арабские географические знания домонгольского периода. Он также автор биографически-энциклопедического «Словаря литераторов» («Иршад аль-ариб иля Марифат аль-адиб»), содержащего около 1100 жизнеописаний арабских литераторов и ученых VII–XIII веков, в основном это представители художественной культуры, филологи, историки и географы, около 10 % – религиозные деятели.

Еще одна примечательная фигура, скорее из сказителей, чем из географов – средневековый арабский автор испанского происхождения по имени Ибн-Джубайр – Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Джубайр аль-Кинани. Он родился в Испании (в Валенсии или Хативе) в 1144-м или 1145 году и принадлежал к старинному арабскому роду, предки которого в 740 году появились в Испании с армией полководца Балджа. Отец Ибн-Джубайра – крупный чиновник – был к тому же знатоком литературы. Своему сыну он дал традиционное образование, и, выучившись, тот служил секретарем одного из Альмохадов Сеуты, а затем в канцелярии наместника Гранады, приобретая в то же время некоторую известность как поэт и писатель.

1 февраля 1183 года Ибн-Джубайр покинул Гранаду и отправился в хадж. Путешествие заняло два года. Путь его проходил через Сеуту и Александрию, затем через Каир вверх по Нилу до Куса. В Египте он посетил пирамиды и видел сфинкса. Пройдя через пустыню, Ибн-Джубайр достиг Айзаба, откуда по Красному морю прибыл в Джидду, а затем в Мекку, где провёл более восьми месяцев. Побывав затем в Медине, Ибн-Джубайр с караваном паломников через Аравийскую пустыню направился в Багдад и Мосул. Оттуда он достиг Северной Сирии и, пройдя через Халеб, спустился в Дамаск, где находился два месяца. Затем Ибн-Джубайр направился в Иерусалимское королевство, посетил Тир, сел на генуэзский корабль в Акке и в декабре 1184 года после долгого и трудного плаванья, завершившегося кораблекрушением, попал в Мессину. Три с половиной месяца, ожидая попутного ветра, он пробыл на Сицилии, затем достиг Картахены, а оттуда 25 апреля 1185 года вернулся в Гранаду. Путешествовал он вместе со своим другом, врачом Абу Джафаром Ажададом ал-Кудаи. Основной труд Ибн-Джубайра, обеспечивший ему почетное место в арабской литературе, – путевые записки, относящиеся к его первому паломничеству, это дневник, который он вел изо дня в день и по возвращении обработал. Точное название его труда неизвестно, но принято его называть «Рихлат ал-кинани» – «Путешествие кинанита». Кинана – племя, к которому принадлежал Ибн-Джубайр. Сочинение Ибн-Джубайра – один из наиболее замечательных образцов жанра описания путешествий (рихла), начало которому в испанской литературе положил Ибн-Араби (1076–1148).

«Путешествие» Ибн-Джубайра отличается от большинства ему подобных своим объемом, широтой охвата жизненного материала, несмотря на то что значительную часть книги он – паломник, человек своего времени – посвятил описанию хаджа и достопримечательностей Мекки и Медины. Другая характерная черта «Путешествия» – его достоверность. Ибн-Джубайр использовал все возможности для проверки и подкрепления добытых им сведений. К сожалению, в Европе «Путешествие» Ибн-Джубайра сделалось известным только в середине XIX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.